

Митрополит
Вениамин (Федченков)

ВСЕМИРНЫЙ СВЕТИЛЬНИК

Житие прп. Серафима Саровского

Митрополит Вениамин (Федченков)
Всемирный светильник. Житие преподобного
Серафима, Саровского чудотворца
Серия «Духовное наследие (Даръ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11828394

*Всемирный светильник. Житие преподобного Серафима, Саровского чудотворца / Вениамин (Федченков), митр. – Изд. 5-е.: ДАРЪ; Москва; 2010
ISBN 978-5-485-00307-4*

Аннотация

Книга митрополита Вениамина (Федченкова) (1880–1958) «Всемирный светильник» повествует о жизни одного из самых почитаемых русских святых – преподобного Серафима Саровского. Она по праву считается блестящим образцом духовной литературы, раскрывая глубину веры, деяния, мудрость и доброту великого старца.

Содержание

Глава I	5
Глава II	10
Глава III	13
Глава IV	20
Глава V	29
Глава VI	38
Глава VII	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Митрополит Вениамин (Федченков)

Всемирный светильник. Житие преподобного Серафима, Саровского чудотворца

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
№ ИС 10-10-0804

Глава I

Под кровом матери

Земною родиною этого истинно небесного человека, о котором Сама Божия Матерь сказала: «Сей – от рода Нашего», был град Курск, милостиво покрываемый чудотворною Ее иконою Знамения, именуемую «коренною».

Под Ее особым попечением возрос до великой высокой святости преподобный Серафим и удостоился услышать от Нее пресладкое и славное наименование: «Любимиче Мой!»

Телесным же родителем его был благочестивый купец и трудолюбивый строитель Исидор Иванович Мошнин. У него были свои кирпичные заводы, и он занимался постройкой каменных храмов и домов. Для этого дела требуется душа сильная и благоразумная, но Исидор Иванович отличается еще и твердою верою, и истовым благочестием. Еще более украшалась добродетелями мать будущего угодника Божия, истинная раба Господня, Агафия Фотиевна: она отличалась милосердием к бедным; в особенности же помогала сиротам-невестам выходить замуж. Но кроме этого, она была одарена и глубоким разумом и мужественною душою, как мы это скоро увидим.

От таковых родителей произросли три ветви: первое дитя – Параскева, старший сын Алексей и младший брат его, будущий светильник вселенной, Прохор.

В мире Божиим нет ничего случайного; и даже малые, по-видимому, события имеют свой смысл: будущий богоносец, пламенный Серафим, прославленный еще на земле Фаворским светом славы преображения, родился в ночь с 19 на 20 июля¹, то есть под день славного небошественника, огневидного Илии пророка, великого ветхозаветного постника и созерцателя славы Божией на Хориве, и собеседника Христу Господу на Фаворе. При крещении младенцу дано было имя Прохора, одного из 70 апостолов и первых диаконов Церкви (ср. Деян. 6, 5), память коего празднуется 28 июля, то есть в девятый день по рождении богоизбранного младенца; по церковному закону полагается нарекать святое имя в восьмой день (ср. Лк. 2, 21); здесь дано на день позднее. При размышлении об этом небесном покровителе святого, диакона – или «служителя» Христовой Церкви и попечителе о бедных и вдовицах (ср. Деян. 6,1), естественно приходит мысль и о преподобном, который сам называл себя слугою Божией Матери и по Ее повелению создал обитель для дивеевских «сирот» – девиц и вдовиц. А как истинный «наставник монахов», и инокинь, и всему миру учитель о благодати, святой Серафим достойно получил свое имя, которое значит «начальник хора»².

Под таковым покровом Богоматери, пророка Илии и св. Прохора начали возрастать и расцветать добрые задатки, заложенные в младенца по наследству от сильного духом родителя и милосердной матери Агафии. Наипаче же хранила и воспитывала его благодатная питательница, Святая Церковь, к которой он привержен был от чрева матери своей, бого-

¹ Все даты в книге даны по старому стилю.

² Прохорос (*греч.*).

мольной родительницы, на единственном попечении которой скоро остался младенец. Отец его, еще в самом расцвете сил, 43 лет от роду, неожиданно скончался.

Непостижимы нам пути Божии, но то, несомненно, истинно, что Господь, «глубиною мудрости человеколюбие вся строяй и полезная всем подаваяй», как поется в тропаре усопшим, призвал к Себе раба Своего в нужное время: угодно ли Ему было, чтобы воспитательницею будущего подвижника была более благочестивая и кроткая мать; или впереди предстояло бы преподобному искушение уклона на практический мирской путь, каким шел строитель-отец; или от последнего можно было ожидать несогласия на иноческий подвиг сына, избранного на то Богом, то ведомо единому Промыслителю.

Не испытывая судеб Божиих, смиренно взяла трудный крест молодая вдова, боголюбивая Агафия, не поддавшись малодушию, приняла она на мужественные руки свои трех малолетних сирот, все сложное хозяйство и особенно ответственное дело по постройке храма в честь при. Сергия и Казанской Божией Матери, которую начал супруг ее в 1752 году и как-воя кончилась под ее непосредственным надзором. Все это время Прохор был неотлучен от любящей и любимой матери, свято чтимой им до гроба; так что можно сказать, что все детство и юность преподобного прошли под ее влиянием и под знаком богоугодного храмоздательства, которое само по себе привлекало чистую душу его от земли на небо; «дом Божий» становился для него родною обителью. И после мы услышим от угодника Божия, что ему не хотелось бы вовсе уходить из храма, от богослужения.

К началу этого времени относится первое чудо, совершившееся над святым семилетним отроком. Наблюдая над постройкою колокольни, Агафия поднялась на самый верх. Прохор не отставал от нее. И вдруг, неосторожно подойдя к краю, он с огромной высоты упал на землю. В ужасе стремглав сбежала мать вниз, ожидая видеть сына бездыханным. Но, к ее и общему изумлению, он стоял прямо на ногах, совершенно здоров и нисколько не вредим, точно опущенный на ангельских крыльях! Так чудесно хранила благодать Божия Своего избранника, по слову псалмопевца: Ангелам своим заповедает о тебе охранять тебя на всех путях твоих: на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею (Пс. 90, 11–12). А впоследствии та же сила Божия будет поднимать его над землею.

Достоин примечания, что окончание постройки храма совпало с изменением судьбы Прохора: в 1777 году Агафия сдала церковь; в следующем же, 1778 году она отдает сына своего на служение Богу; и он придет в Саровскую обитель ко всенощному бдению под праздник Введения во храм Богородицы. А через 125 лет в той же самой церкви, около коей прошли первые годы святого, будет пристроен придел во имя его самого. Дивны дела Божии.

Скоро последовало и второе чудо над «избранником Божией Матери». Когда ему было 10 лет, Прохор заболел; мать его не надеялась даже на выздоровление, но сын рассказал ей, что увидел сон: ему явилась Божия Матерь и обещала посетить и исцелить его от болезни. Много лет спустя преподобный удостоится явного необычайнейшего лицезрения Божией Матери и святых, после которого он скажет бывшей с ним сомолитвеннице: «Вот, матушка, какой благодати сподобил Господь нас, убогих. Мне таким образом уже двенадцать раз было явление! Вот какой радости достигли! Есть нам, почему веру и надежду иметь ко Господу! Побеждай врага – диавола... Призывай на помощь Господа, и Матерь Божию, и святых. И меня, убогого, поминай».

Молилась ли мать, призывал ли Царицу Небесную и сам отрок, но случилось тогда следующее. По городу несли чудотворную икону Коренной Божией Матери. Крестный ход шел по Сергиевской улице, где они жили. Вдруг разразился сильный дождь. Для сокращения пути икону понесли через проходной двор Мошниных. Мать быстро подняла больного дитя и вынесла его к Божией Матери. Так Царица Небесная исполнила свое обещание, мальчик вскоре совершенно выздоровел и с усердием отдался обучению.

По природе своей он одарен был исключительными способностями светлого ума, сильной памяти, сердечной впечатлительности, которые сохранились до самой смерти; поэтому, за что бы он ни брался, он все усваивал быстро и прочно. Так было и с грамотой. По мудрому и благочестивому обычаю старых времен, обучение начиналось с Часослова и святых псалмов царя Давида, а потом переходило к Библии, житиям святых и другим духовным книгам, питая знаниями ум, а благочестием – сердце. Прохор весьма скоро научился книжному искусству и все свое свободное от молитвы и занятий время отдавал чтению. С самого детства он сделался серьезным. Как и многие иные святые, отрок чуждается обычных детских забав и игр и ищет себе товарищей, подобных по духу. Из них пять его друзей определяют себя на иночество: двое из них уйдут с ним вместе в Саров, а двое других – в иные монастыри, и лишь один останется в миру, да и то потому, что на его попечении останутся по смерти родителей пять братьев и три сестры. Вот среди какой семьи и содружества «преуспевал в благодати у Бога и человеков» (Лк. 2, 52) будущий светильник не только Православной Церкви, но и всего мира.

Между прочим, благотворное и святое влияние на юного Прохора имел один «раб Божий», некий Христа ради юродивый, подвизавшийся в то время в Курске. Имя его не сохранилось в памяти истории... Много их таких рассеяно было прежде по лику Святой Руси... И великое дело незаметно творили они, отвлекая мир от привязанностей земных и лучше всяких книг уча Евангельскому мироотречению, христоподобному смирению, мученическому терпению всяких лишений, предсказывая будущее, утешая страждущих, а иногда и обличая окаменелые души грешных людей.

Один такой «Божий человек» встретил Агафию, когда она шла по городу с обоими сыновьями. Обратив внимание на Прохора, юродивый сказал матери: «Блаженна ты, вдовица, что у тебя такое детище, которое со временем будет крепким предстателем пред Святой Троицею и горячим молитвенником за весь мир!»

С той поры он полюбил отрока и в дальнейшей жизни благотворно действовал на него. Прохор же, как сухая земля – дождь, впитывал в себя все святое и доброе от раба Божия. Благочестивая и православно настроенная мать могла всему этому лишь радоваться и идти навстречу.

Правда, дела ее требовали помощи и младшего сына: кроме кирпичного завода и постройки храма у них была еще своя лавка в городе. Преподобный впоследствии рассказывал: «Я родом из курских купцов, и когда не был в монастыре, мы, бывало, торговали таким товаром, который больше нужен был крестьянам: дуги, шлеи, железо, веревки, ремни и т. п.»

Юный Прохор не отказывался и от этих трудов, но сердце его было уже отдано Богу. Однако он сначала старался совместить и то и другое: рано, зимой, еще до света, спешил он в храм к заутрене, а потом отдавал день занятиям по торговле. Но чем дальше шло время, тем больше убеждался святой юноша, как трудно совместить всецелую любовь к Богу с служением миру. «Невозможно, – поучал он после, – всецело и спокойно погружаться в созерцание Бога, поучаться в законе Его и всей душою возноситься к Нему в пламенной молитве, оставаясь среди неумолчного шума страстей, воюющих в мире». И потому у него давно затеплилась душа об уединенной тихой обители, где бы он мог всецело отдаться духовной жизни и пламенной серафимской любви к Богу. Сверстники, с которыми он делился своими мыслями, поддерживали его в этих стремлениях. Книги указывали путь.

Окружающие примеры увлекали: в это время многие куряне спасались уже по близким и дальним монастырям; не один уже из них дошел и до дремучих Саровских лесов, увлекая туда сердца ищущих безмолвия и строгой иноческой жизни. Между ними особо выделялся благочестием о. Пахомий, из курских купцов Леоновых.

Благочестивая Агафия давно заметила эти святые устремления и не противодействовала им. Как ни любила мать своего сына, она не могла забыть и чудес Божиих над ним, не

могла не видеть и необычное его усердие к молитве, любовь к уединению от мира и равнодушие к земным делам; и сердце ее давно уже готовилось к жертве. Потому, когда Прохор дошел до зрелого юношества и открыл свои заветные думы любимой матери, она не удивилась этому, а с кротостью приняла и этот крест, усмотрев в нем святую волю Божию: святая мать добровольно соглашается отдать сына Богу. Тогда преподобный юноша хлопочет об увольнительном свидетельстве от курского общества для поступления в монашество и, как свободная птица, решается сначала отправиться в Киево-Печерскую обитель вместе с пятью своими единомышленниками.

Происходит трогательно-умилительное прощание его с родными. Сначала, по благочестивому обычаю, молчаливо посидели. Потом святой юноша встает и кланяется родимой матери в ноги, прося у нее благословения на иночество. Обливаясь слезами, мать прежде всего дала сыну приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, а потом благословила его на крестный путь большим медным крестом. И это благословение преподобный всегда носил открыто на груди до самой смерти. С ним и скончался.

Оставив тихий родительский кров и родной Курск, шестеро богомольцев задумчиво направили стопы свои к колыбели Русской земли, богоспасаемому Киеву...

Почти восемь веков тому назад туда же из того же Курска тайно убежал другой великий подвижник – «железный» Феодосий Печерский, «общего жития начальник». Но то было вопреки воле одной матери, а ныне – по благословению другой.

Что ждет впереди чистые души, горящие святою любовью? Бог весть... но сейчас они *благую часть* избрали (Лк. 10,42).

* * *

Примечание. По установившемуся общепринятому счислению времени событий из жизни преподобного Серафима, рождение его относится обычно к 1759 году.

Но по справкам, добытым в Курской Духовной Консистории ко времени открытия мощей святого угодника, оказывается, что этот год, как и некоторые другие даты, подлежат еще пересмотру. Прежде всего, по метрическим книгам оказалось, что отец преподобного, Исидор Иванович Мошнин, скончался 10 мая 1760 года, 43 лет от роду, а не в 1762 году, на третий год по рождении Прохора, как писалось доселе во всех житиях.

Затем мать его, Агафия Фотиевна, почилла блаженным сном не во время его послушничества, а несравненно позже, в 1800 году, 29 февраля. Следовательно, будучи в Курске за сборами на храм между 1784 и 1786 годами, Прохор если был у брата Алексия, то, без сомнения, видел и мать свою. Обычно же доселе писалось, что он уже не застал ее в живых и поклонился лишь ее могиле.

Но более важный вопрос о годе рождения его самого. В исповедных записях Ильинской церкви, куда была приписана семья Мошниных, за 1762 год прописаны, как имеющие быть у Святого Причащения: Агафия Мошнина и дети ее, Алексей – 11 лет и Прасковья – 14 лет. О Прохоре же здесь не упомянуто: можно бы думать, что ему тогда было всего лишь три года и он не мог еще исповедоваться. Но, к удивлению, за 1768 год в тех же исповедных записях помечено: «Вдова Агафия 50 лет; дети ее: Алексей – 17 лет, Прохор – 14 лет, Прасковья – 19 лет». Если это точно, то Прохор родился не в 1759 году, а в 1754 году, т. е. на 5 лет ранее, и в 1760 году по смерти отца ему шел шестой год, а не третий. Следовательно, в 1762 году ему было семь лет, хотя, по обычаю, дети 7 лет уже бывают у исповеди, но ему лишь шел восьмой, и исповедь была еще впереди.

Может быть, цифры исповедных записей неточны? Это естественно: записывали без особой осторожности, по заявлениям исповедников. Есть основания сомневаться: Агафия умерла в 1800 году, 72 лет, как записано о ней. В таком случае ей в 1768 году было 40 лет, а

не 50, как написано. Или же она умерла 82 лет, что менее вероятно. Но зато другие данные, 1768 и 1762 годов, об Алексии и Прасковье совпадают (у Прасковьи и разница в один год не важна, в зависимости от месяца рождения). И в таком случае есть весьма большое основание предполагать, что Прохор родился на 5 лет ранее обычно принимаемого срока, и тогда все данные его жизни, от богомолья в Киеве до смерти, передвигаются на 5 лет возраста его.

Дальнейшая история должна расследовать этот вопрос.

Глава II

На пути в Саров

Благополучно дошли паломники до Киева, молились Богородице, поклонялись мощам угодников и осмотрели все святыни. Стоя на пороге новой, неизвестной жизни, они, без сомнения, искали опытных старцев, которые могли бы дать мудрые советы о задуманном ими монашестве и о том, в какой монастырь поступать. И им указали, что в Китаевской обители, в 10 верстах от Киева, спасается прозорливый подвижник Досифей³. К нему поспешно и направил стопы свои Прохор. Увидев его, старец прозрел в нем благодать Божию и решительно благословил идти в Саровскую пустынь. При этом он дал такой завет: «Гряди, чадо Божие, и пробуди тамо. Место сие тебе будет во спасение, с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие твое. Только старайся стяжать непрестанную память о Боге чрез непрестанное призывание имени Божия так: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!

В этом да будет все твое внимание и обучение: ходя и сидя, делая и в церкви стоя, везде на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах, и в сердце твоём; с ним найдешь покой, приобретешь чистоту духовную и телесную, и вселится в тебя Дух Святой, источник всяких благ, и управит жизнь твою во святыне, во всяком благочестии и чистоте. В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни; он последователь наших Антония и Феодосия».

В этих немногих словах пророчественно не только было указано место подвижничества Прохору, но и определено было главное «обучение» монашеское – внутреннее делание молитвы Иисусовой. А особенно примечательно, что прп. Досифей ясно указал ему основную цель всей духовной жизни: «Вселится в тебя Дух Святой». Таково всегда было учение христианское: начиная от Самого Господа, обещавшего послать Утешителя, Духа Истины (см. Ин. 14,16–17; 16,13–15), эту воду живую (см. Ин. 7, 38–39), через апостолов (см. Деян. 10, 44–45; Рим. 8; Гал. 3, 14; 4, 6; Еф. 2, 22; 5,9; Евр. 10, 29), затем – через всех святых отцов до Григория Паламы, с его учением о благодатном Фаворском свете. На этом единственно истинном воззрении всегда воспитывались опытно руководимые Самим Духом Божиим и наставляемые преемственным преданием Православной Церкви все истинные православные подвижники Христовы. Таков был и прозорливый Досифей.

Этот благодатный завет воспринял и вложил в сердце свое к неуклонному исполнению чуткий, горевший уже духом Прохор. А спустя много лет в поразительной беседе с Н.А. Мотовиловым мы уже от него самого услышим те же самые заветы: «Цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божия. Дивная цель духовная!»

³ Старец Досифей миру был девицей Дарьей Тяпкиной, скрывшей свой пол, чтобы нести свой подвиг под видом монаха-мужчины.

Так решился теперь для него навеки вопрос и о монашестве, и о монастыре: Бог изрек Свою волю устами прозорливца. Можно сказать, что здесь, в Китаевской обители, произошло духовное помазание святого, заложено благодатное зерно всей будущей жизни его и восхода в славу Божию; здесь невидимо миру рука Господня уже почил на нем. Келия Досифеева стала иноческою купелью Прохору: в ней тайно совершилось монашеское обручение Духа Божия с духом его. Отсюда святой вышел, в сущности, уже иноком. Позднейший постриг лишь явно запечатлеет сие избрание Духом. И как Господь после крещения Иоаннова веден был Духом в пустыню, дабы путем искушений приготовиться к прохождению Своего служения, так и Прохор из Киева не сразу идет в Саров, а возвращается еще в дом матери, в родной Курск.

Какова была причина такого замедления, нам точно неизвестно. Хотел ли молодой юноша еще более испытать и проверить себя: может ли он поднять на себя иноческое благое иго Христово (см. Мф. 11,29); желал ли он постепенно приготовить к разлуке любящую мать, или советовал ему так прозорливый старец, дабы укрепить в решении; или иное что промыслительно удерживало его, но Прохор живет еще под кровом матери около двух лет.

Но он живет теперь здесь лишь телом, а душа его стала умирать ко всему земному: он еще ходит и в лавку, но в торговле уже не принимает никакого участия; время же свое проводит в молитве, безмолвном богомыслии, чтении книг и душеспасительных беседах с приходящими. И несомненно, еще здесь он начал исполнять завет Досифея о «непрестанной памяти Божией» и постоянной молитве Иисусовой. Дом сделался для него преддверием монастыря.

Кончился искус. Прохор собирается идти. Горько было расставаться с ним родимой матери; и она – уже без надежды – просит сына: «Ты бы меня прежде похоронил, а потом и шел бы в монастырь!»

Но он все похоронил уже два года назад в келье под Киевом... И матери оставалось лишь еще раз благословить Прохора, чтобы, как думала она, больше не увидеть его на земле. Саров был слишком далеко для нее.

С Прохором пошли и двое из сопаломников его по Киеву, другие же двое ушли в иные монастыри еще раньше.

Была осень. Жизнь лета замирала. Листья спадала с деревьев. Шли дожди. В Курске еще держалось тепло, но чем севернее, ближе к Тамбовской губернии, тем холод становился ощутительнее. Приближалась зима. Путь был нелегкий... И иноков впереди ждал трудный подвиг борьбы умерщвления страстей, во имя чистого белоснежного бесстрастия, дабы потом ожить уже Духом...

Молча, творя тайно молитву Иисусову, шли будущие подвижники. Вот и Темниковские леса. Вековой бор принял в себя новых борцов духа и высокой дремучей стеной огромных сосен, иногда в 4–5 человеческих обхватов толщиной, отрезал их от прошлого... Оно сделалось далеким, далеким...

Близко уже и таинственный Саров.

В 1661 г. пришел сюда нижегородский монах Феодосий, после него были Герасим, Савватий и др. Но основан был монастырь при иеросхимонахе Иоанне, прибывшем в Саров в 1691 г. Официально же монастырь был открыт в 1706 г. после пожертвования земли князем Даниилом Кугушевым (из рода татарских мурз) и утверждения обители Патриаршим Приказом. Из позднейших преемников особенно достоин почитания Ефрем – как за устройство обители, так и ради своей многострадальной и святой жизни. Он скончался за 5 месяцев до прихода Прохора.

...20 ноября 1778 г., к вечерним сумеркам, подошли три молодых богомольца к воротам Саровской колокольни.

Был канун Введения Божией Матери в Храм Господень. Это по преимуществу праздник иноческий. Это день посвящения Богоотроковицы

Марии на величайшее служение Богу для спасения человеческого рода; уход Ее из мира для спасения мира; праздник девства для приготовления к Боговоплощению. Это праздник обращения Богоневесты для воспитания Ее Духом в Матерь Сыну Божию.

И не случайно было это совпадение. Святой юноша от земной матери пришел к Матери Небесной; из рук честной вдовицы принят был Пренепорочною Приснодевою; от крова храмо-создательницы Агафии вступил в покров Божий, в «Пречистый Храм Спасов, Многоценный Чертог»⁴, в объятия Богородицы. И опять вспоминается чудесная беседа преподобного о «стяжании благодати Святого Духа» как цели жизни: об этом ясно поется в том же кондаке праздника: «Дева днесь вводится в дом Господень, благодать совводящи, яже (Она Сама) в Дусе Божественно».

«И вселится в тебя Дух Святой» – вспоминается снова пророчество Досифея... Через подколокольные ворота вошли паломники внутрь монастыря. Со всех сторон они сразу окружены были строениями обители, точно живыми руками, приветливо обнимавшими новых обитателей. Позади их как бы затворилась дверь для потустороннего мира: теперь их дом, и родные, и Отец, и Мать – здесь (см. Мф. 12, 48).

Впереди перед ними среди монастырского двора высился огромный пятикупольный главный храм обители в честь Успения Божией Матери, только год назад тому отстроенный при игумене Ефреме. Видом своим он весьма напоминал далекую церковь Успенской Киевской Лавры...

Врата храма были открыты. Паломники прямо с пути направили стопы свои в место селения Божия – в дом Царицы Небесной, отсюда невидимо управлявшей монастырем.

Сбылось заветное желание: искатели Града Божия у тихой пристани. Недавно еще поставленный игумен о. Пахомий соборне совершал торжественное праздничное богослужение. Все исполнялось чинно и по Уставу: настоятель был строг в соблюдении церковных и монастырских порядков. Радовалась душа Прохора. Он нашел свое место. И теперь мог бы сказать словами псалмопевца: И птичка находит себе жилье, и ласточка – гнездо себе... Блаженны живущие в доме Твоем, Господи (Пс. 83, 4–5); *Это покой мой навеки; здесь вселюсь, ибо Я возжелал его.* (Пс. 131, 14).

⁴ Из кондака Введению во Храм Пресвятой Богородицы.

Глава III

Послушник Прохор

На другой день все три паломника были у отца игумена. С любовью встретил он их и с радостью принял в обитель. Особенное внимание обратил о. Пахомий на Прохора, родителей которого он хорошо знал еще по Курску. Прозревая в нем великий дух будущего подвижника, он передал его для духовного руководства в опытные руки ближайшего своего сотрудника и друга, мудрого и любвеобильного казначея о. Иосифа; от него Прохор принял и первое свое послушание – келейника.

Так началась монашеская жизнь святого, длившаяся 54 года: трудная она была подвигами, но зато завершилась славным концом святым. Легкое келейное служение у отца казначея было лишь вступлением. Скоро новонаначального Прохора, как и всех других насельников монастыря, стали проводить по разным, более трудным физически, послушаниям: он был и на хлебной, и в просфорне, и в столярной; затем исполнял обязанности будильщика монахов, церковного пономаря; был и на клиросе, ходил на общие послушания – рубку леса, пилку дров и т. д. Дольше всего Прохор занимался столярным делом, в котором выработал большую опытность, так что среди братии был известен преимущественно под именем «Прохора-столяра».

Как проходила его внутренняя жизнь в данный новонаначальный период, когда закладываются главные основы монашеского воспитания, нам известно немного. И больше придется заключать об этом из позднейших советов преподобного другим, нужно думать, со своего опыта и лишь отчасти – из случайных, незначительных свидетельств его самого о прошлой своей жизни.

Прежде всего, брат Прохор отличался совершенно безропотным исполнением послушания, при этом он, по свойству своего точного характера, все делал с усердием, аккуратностью и возможно совершенно. Это именно и требуется больше всего от новонаначальных послушников, дабы они сразу же приучились сокрушать свою мирскую гордость, этот корень всех прочих страстей и основную болезнь падшей души.

Поэтому преподобный и дивеевских монахинь наставлял после главным образом послушанию. «Помни всегда, – вспоминала заветы его Ксения Васильевна Путкова, впоследствии монахиня Капитолина, – послушание превыше всего, превыше поста и молитвы! И не только не отказываться, но бегом бежать нужно на него! Переносить, не смущаясь и не ропща, всякие скорби от собратий: ибо монах – только тот и монах, когда, как лапти, будет всеми отбит и отрепан».

«Нет пагубнее греха, как роптать, осуждать или не слушаться начальницы: человек этот погибнет».

И духовнику обители, протоиерею о. Василию Садовскому, святой угодник тоже говорил: «Послушание, батюшка, паче поста и молитвы: помни и всегда им говори это; и я всегда говорю».

«Затем батюшка объяснял мне, – записал о. Василий, – как велик, страшен и тягостен для монаха грех неповиновения начальнику, и тем более хуление начальников; ибо первое правило иноку, – на этом все монашество зиждется, – послушание и полное отсечение воли; вследствие неисполнения которых возник и первородный грех ветхого Адама, все погубивший; и чем только и спасен весь мир через человека же, нового Адама, Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа, ибо послушлив был даже до смерти! Поэтому и ныне не может быть хуже греха! Творящий так непременно погибнет...»

Помилуй нас, Господи, своевольных!

На втором месте для новоначальных ставит батюшка труд, в чем бы он ни состоял: «Благословляю им, т. е. дивеевским сестрам, как от сна встают, – тут же за работу; читая про себя, хотя бы и на ходу, мое правилце; если так сотворят, – спасутся».

«Если есть рукоделие, – давал он после наставление монаху, – занимайся оным; если находишься в келье, не имея рукоделия, всячески прилежи чтению, а наипаче – Псалтири: старайся каждую статью прочитывать многократно, дабы содержать все в разуме». «Если зовут на послушание, иди на оное». И сам он никогда не пребывал без дела, не допускал себя до праздности. Если был свободен от послушаний и молитвы, то удалялся молча в келью и там принимался за какое-нибудь дело: то вырезал кипарисовые кресты, то читал Слово Божие, или творения святых отцов, или жития святых. Кроме Библии и Четий-Миней, у него были творения святого Василия Великого, преподобного Макария Египетского, Иоанна Лествичника, «Маргарит», Добротолюбие и др.

На чтение он тоже смотрел как на особый подвиг, который называл «бдением». Евангелие и послания апостолов он читал перед иконами и непременно стоя, в молитвенном положении.

«Душу надо снабдевать, питать Словом Божиим, – говорит он, – всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири; это делать подобает стоящему». Псалтирь он позволял, впрочем, читать иногда и сидя. «От сего чтения бывает просвещение в разуме, который изменяется изменением Божественным». Кроме того, читающий Священное Писание «принимает в себя от сего теплоту, которая в уединении производит слезы; от сих человек согревается весь и исполняется духовных дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова».

Более же всего оное делать должно для себя, чтобы приобрести мир душевный по учению псалмопевца: *Велик мир у любящих закон Твой, и нет им преткновения* (Пс. 118, 165).

Несомненно, преподобный все это говорил с собственного опыта. А однажды он даже изрек необычайное пророческое увещание о чтении: «Очень полезно... прочитывать всю Библию разумно. За одно такое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставляет человека Своею милостью, но исполняет его дара разумения». И мирянам он заповедовал читать слово Божие. «Что читать?» – спросил его один посетитель. – «Евангелие, – ответил батюшка: по четыре зачала в день, каждого евангелиста – по зачалу».

После труда и чтения преподобный дает новоначальным наставление уже о молитве и говорит точно то самое, что он слышал еще из уст Досифея и в чем сам подвизался непрестанно: «Истинно решившиеся служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве к Иисусу Христу». «За рукоделием или будучи где-либо на послушании, – наставляет он монаха, – твори беспрестанно молитву: *Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного*. В молитвах внемли себе, т. е. ум собери и соедини с душою. Начала день, два и множая твори молитву сию одним умом, отдельно, внимая каждому особому слову. Потом, когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати

Своя и соединит в тебе оную в един дух, тогда потечет в тебе молитва она беспрестанно, и всегда будет с тобой, наслаждая и питая тебя... Когда же будешь содержать в себе сию пищу душевную, т. е. беседу с Самим Господом, то зачем ходить по кельям братии, хотя

кем и будешь призываем? Истинно скажу тебе, что празднословие сие есть и празднولية».

Что касается церковной молитвы, то преподобный давал такой совет: «В церкви на молитве стоять полезно с закрытыми очами, с внутренним вниманием; открывать же очи – разве тогда, когда уныешь или сон будет отягощать тебя и склонять к дреманию; тогда очи должно обращать на образ и на горящую пред ним свещу».

И сам он стоял в церкви, закрывая очи. При этом приходил к богослужению раньше других и никогда не выходил прежде окончания его. Что касается подвигов, то в первое время своего монашества он хотя держал себя в общем непрестанном и строгом воздержании, но не выходил из меры. И других учил потом так же по общему святоотеческому наставлению о «царском» пути: «Выше меры подвигов принимать не должно; а стараться, чтобы друг – плоть наша – был верен и способен к творению добродетелей. Надобно идти средним путем».

«Должно снисходить душе своей в ее немощах и несовершенствах и терпеть свои недостатки, как терпим других». Однако нужно «не обленяться и побуждать себя к лучшему». В частности, относительно, например, сна преподобный говорил одному иноку: «Каждый день непрестанно, в ночи спи четыре часа: 10-й, 11-й, 12-й, и час за полночь; аще изнеможешь, можно вдобавок днем спать. Сие держи неизменно до кончины жизни: ибо оно нужно для упокоения головы твоей. И я с молодых лет держал таковой путь. Мы и Господа Бога всегда просим о упокоении себя в ночное время. Аще тако будешь хранить себя, то не будешь уныл, но здрав и весел».

Впоследствии другим, более немощным, он позволял спать ночью даже 6 часов, а при утомлении еще советовал и после обеда немного отдыхать.

Равным образом держался умеренности послушник Прохор в пище: «Чтобы наложить на себя строгое правило воздержания во всем или лишать себя всего, что может служить к облегчению немощей, сие вместить не всякий может... Иначе... изнемогу телу, и душа ослабевает». В частности: «По пятницам и средам, особенно же в четыре поста, – говорил он, – пищу употребляй один раз в день; и Ангел Господень прилепится к тебе». Для других дней советовал такое правило: «За обедом ешь довольно; за ужином повоздержись». «Чревоугодие – не монашеское дело». А дивеевским сестрам он вообще давал снисходительное наставление, чтобы они кушали не стесняясь, когда и сколько угодно, хотя бы даже и ночью, лишь бы были послушны, да никогда не жили в одиночку, ни в келье, ни в дороге. Впрочем, он считал, что женщины, по слабости своей, вообще менее способны на суровые подвиги воздержания. Но, кроме того, он не хотел наложить лишней тяги греха на чью-либо душу в случае неисполнения строгого поста или обетов: «Аще кто может, – тот и исполняет». Даже о среде и пятке некоему монаху он сказал условно: «Аще можешь, вкушай, но однажды». «Тело же, изможденное подвигами или болезнями, должно подкреплять умеренным сном, пищею и питием, не наблюдая даже и времени. Иисус Христос, по воскрешении дочери Иаириной от смерти, тут же повелел ей есть» (ср. Лк. 8, 55).

Но зато преподобный настойчиво советовал всячески хранить «мир душевный», за чем особенно следил и в самом себе: «Всеми мерами надобно стараться, чтобы сохранить мир душевный и не возмущаться оскорблениями от других»; «Ничтоже лучше есть во Христе – мира»; «Святые отцы имели мирное устройство и, будучи осеняемы благодатию Божиею, жили долго»; «Стяжи мир, – говорит он впоследствии, – и вокруг тебя спасутся тысячи». А «когда человек придет в мирное настроение, тогда может от себя и на прочих издавать свет просвещения разума»; «Сей мир как некое бесценное сокровище оставил Господь наш Иисус Христос ученикам Своим перед смертью Своею» (ср. Ин. 14, 27).

О нем также говорит и апостол: *и мир Божий... да соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе* (Флп. 4, 7). Для сего он прежде всего советовал «погружать

ум внутрь себя и иметь делание в сердце своем, тогда благодать Божия приосеняет его, и он бывает в мирном устроении». Затем должно приучаться «оскорбления от других переносить равнодушно... Как бы их оскорбления не до нас, а до других касались. Такое упражнение может доставить человеческому сердцу тишину и соделать оное обителью Самого Бога».

«Если же невозможно, чтобы не возмутиться, то, по крайней мере, надобно стараться удерживать язык, по псалмопевцу: *я потрясен и не могу говорить* (Пс. 76, 5)».

«Для сохранения мира душевного также всячески должно избегать осуждения других...»; «А чтобы избавиться осуждения, должно внимать себе... и спрашивать: где я?» В особенности же для мира душевного «должно отдалять от себя уныние и стараться иметь радостный дух, а не печальный. По слову Сираха: *ибо печаль многих убила, а пользы в ней нет* (Сир. 30, 25)».

На этом «радостном духе» подобает остановиться с особым вниманием в жизни преподобного: он был отличительным свойством его, особенно впоследствии. Но не без борьбы достался даже ему сей благодатный дар, столь спасительный для притекавших потом к нему страждущих душ. Есть основание думать, что бес уныния нападал в начале монашества и на него самого.

«Трудно, – говорит преподобный, – избежать этой болезни начинающему жизнь монашескую, ибо она первая нападает на него. Потому прежде всего и должно остерегаться ее».

«Бывает иногда человек в таком состоянии духа, что, кажется ему, легче бы ему было уничтожиться или быть без всякого чувства и сознания, нежели долее оставаться в этом безответно-мучительном состоянии. Надобно спешить выйти из него. Блудись от духа уныния, ибо от сего рождается всякое зло... происходят тысячи искушений: смущение, ярость, хула, жалоба на свою участь, развращенные помыслы, переселения из места в место». «Несносным становится и место жительства, и живущие с ним братия». Тогда «демон скуки внушает монаху помыслы выйти из кельи и с кем-нибудь поговорить». «И монах становится подобным безводному облаку, гонимому ветром». А иногда, наоборот, «злой дух печали», «овладевает душою», «лишает ее кротости и благодушия в обращении с братьями и рождает отвращение от всякого собеседования», «она убегает людей, как виновников ее смущения, и не понимает, что причина болезни внутри ее: душа, исполненная печали, делаясь как бы безумной и исступленною, не может спокойно принимать благого совета, ни кротко отвечать на предлагаемые вопросы».

Можно думать, что «нападал» этот злой дух уныния и на преподобного. Но он сразу и решительно находил выход из него. Первое «врачевание, при помощи которого человек скоро находит утешение в душе своей», есть «смиренномудрие сердца», как учит святой Исаак Сирий. Другое врачевство видел он в труде и подвигах: «Болезнь сия врачуется молитвою, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением Слова Божия и терпением; потому что и рождается она от малодушия, и праздности, и празднословия».

Оба же эти пути сводятся прежде всего к простому безропотному исполнению послушания: «Здесь и смирение и подвиг». «Прежде всего, – говорил преподобный, – должно бороться против уныния посредством строгого и беспрекословного исполнения всех возлагаемых на послушника обязанностей. Когда занятия твои придут в настоящий порядок, тогда скука не найдет места в сердце твоём. Скучают только те, у кого дела не в порядке. Итак, послушание есть лучшее врачевство против сей опасной болезни». А все это, вместе взятое, ведет к последнему исцелению духовных болезней – к бесстрастию: «кто победил страсти, тот победил и печаль».

И если сам преподобный был всегда мирен и радостен, это истинный знак того, что он достиг постепенно бесстрастия и «презрения мира» с его похотями (ср. 1 Ин. 2, 16).

А умея преодолевать искушения в самом себе, подвижник мог уже по опыту помогать и другим, вливая в них дух радости Божией.

Один Саровский инок поддался подобному искушению. Желая найти себе облегчение, он поделился своею скорбью с другим братом. После вечерни они вышли из монастыря и, гуляя вокруг ограды, дошли до конного двора. Вдруг они видят преподобного. Глубоко почитая его, они упали ему в ноги. Угодник Божий с необычайной ласкою благословил их и, прозрев уныние брата, запел: «Радости мое сердце исполни, Дево, Яже радости приемшая исполнение, греховную печаль потребляючи (Тропарь из канона Богородице). Потом, топнув ножкою, святой старец с силою и восторгом сказал: «Нет нам дороги унывать; ибо Христос все победил, Адама воскресил, Еву свободил, смерть умертвил!» Радость его передавалась унывающему брату; искушение мгновенно исчезло, и иноки в мирном и веселом духе возвратились в монастырь.

А монахиня Капитолина (Ксения Васильевна) в записях своих оставила нам свидетельство о воззрении преподобного на уныние и радость вообще: «Веселость – не грех, матушка, она отгоняет усталость, а от усталости ведь уныние бывает, и хуже его нет. Оно все приводит с собою. Вот и я, как поступил в монастырь-то, матушка, на клиросе тоже бывал; и такой веселый-то был, радость моя! Бывало, как ни приду на клирос-то, братия устанут; ну и уныние нападет на них, и поют-то уж не так, а иные и вовсе не поют. Все соберутся, а я и веселю их; они и усталости не чувствуют! Ведь дурное что говорить ли, делать ли – нехорошо, и в храме Божиим не подобает. А сказать слово ласковое, приветливое да веселое, чтобы у всех пред лицом Господа дух всегда весел, а не уныл был, – вовсе не грешно, матушка».

И этот дух Христова мира и радости все более возрастал в преподобном, дойдя потом до постоянной пасхальной радости; отчего он часто и называл своих собеседников «Радость моя!» или встречал приветом: «Христос воскрес».

Какова была борьба у Прохора с плотскими движениями, это нам неизвестно. Правда, в своих наставлениях он говорит: «Человеку в младых летах можно ли гореть и не возмущаться от плотских помыслов?!»

Следовательно, не свободен и он был от этих приражений естества. Но нет никакого сомнения, что эти страсти не имели в нем материала: чистый от юности, он без труда преодолевал находящиеся на него помыслы и даже обращал эти искушения вражьи в поводы к добру тем, что противился им: «Если мы не согласны со влагаемыми от диавола злыми помышлениями, то мы добро творим».

«В этих нападениях, – учил он, – тотчас же нужно обращаться с молитвою к Господу Богу, да потухнет искра порочных страстей при самом начале. Тогда не усилится в человеке пламень страстей».

Этот «нечистый дух только на страстных имеет сильное влияние, а к очистившимся от страстей приражается только со стороны, или внешне».

Так именно «внешне» лишь приражался он к нему самому, не находя в святом послушнике пищи и палимый его молитвою при первых же искусительных приступах своих. И впоследствии он дерзновенно говорил о себе духовнику Дивеевской обители о. Садовскому так: «Как я и сам – девственник, батюшка, то Царица Небесная благословила, чтобы в обители моей были бы только одни девушки».

И Н.А. Мотовилову объяснял он, что дев-инокинь нужно устраивать отдельно от вдовиц, по повелению Самой Божией Матери. «К нам придут вдовицы и отроковиц с собою приведут, – говорил он дивеевской сестре Матроне. – Но мы, матушка, особенных чувств от вдовиц. Они во многом различны от нас (девственных). Девица услаждается только Сладчайшим Иисусом, созерцает Его в страданиях и вся свободная духом служит Господу; а у вдовиц много воспоминаний о мирском: «Как хорош был покойник-то наш! Какой он был добрый человек!» – говорят они».

Поэтому он для девиц выделил особую часть монастыря с мельницей, которая потом и называлась «Мельничною девичьею» обителью. Такое самосвидетельство преподобного

вернее всяких других показаний ручается за непорочность его. Но чтоб сильнее, глубже очистить и остатки движений естества, Господь почти в самом же начале монашества послал ему тяжелую болезнь. «Тело есть раб, душа – царица, – учил он после, – а потому сие есть милосердие Господне, когда тело изнуряется болезнями; ибо от сего ослабевают страсти и человек приходит в себя». Впрочем, «и самая болезнь телесная рождается иногда от страстей»; «Отними грех, и болезни оставят».

Через 2 года после вступления в монастырь Прохор тяжело заболел водянкою: он весь распух и большею частью лежал в келье неподвижно. Недуг продолжался около трех лет. Игумен Пахомий и старец Иосиф, горячо полюбившие послушного инока, с любовью ухаживали за ним. Не видя улучшения и даже боясь за смертельный исход болезни, о. Пахомий предложил пригласить врача. Но Прохор кротко ответил ему: «Я предал себя, отче святой, истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством, причастием Святых Таин».

Старец Иосиф с усердием отслужил бдение и литургию о здравии болящего, исповедал и причастил его в келье. После этого Прохор быстро выздоровел.

Впоследствии он сам рассказал многим, что после Святого Причастия ему явилась в несказанном свете Пречистая Богородица с апостолами Петром и Иоанном Богословом и, обратившись лицом к апостолу Иоанну, изрекла, указывая на болящего:

«Сей – от рода нашего! (т. е. небесного)»; «Затем, – повествует с его слов монахиня Капитолина, – правую-то ручку, радость моя, положила мне на голову, а в левой ручке держала жезл; и этим-то жезлом, радость моя, и коснулась убогого Серафима; у меня на том месте, на правом бедре-то, и сделалось углубление, матушка; вода-то вся в него и вытекла. И спасла Царица Небесная убогого Серафима. А рана пребоольшая была; и до сих пор яма-то цела, матушка: погляди-ка, дай ручку». И батюшка сам, бывало, возьмет да и вложит мою ручку в яму; и велика же она была у него: так вот весь кулак и взойдет».

Так чудесно исцелился Прохор. Другим же, а особенно мирянам, он разрешал и лечиться. Спрашивавшему его об этом некоему Богданову дал такой совет: «Болезнь очищает грехи. Однако же воля твоя – иди средним путем: выше сил не берись, упадешь, и враг посмеется тебе. Аще юн сый, удержишься от высоких», то есть подвигов и намерений. «Однажды диавол предложил праведнику прыгнуть в яму. Тот было и согласился, но святой Георгий Победоносец удержал его»⁵.

В следующем году после выздоровления на месте этой кельи начали строить больничный корпус, и место явления Божией Матери пришлось как раз под алтарь храма. Преподобный сам сделал кипарисовый престол и до самой своей смерти причащался здесь, благодарно вспоминая милость Божией Матери. Для построения этой церкви был разрешен сбор; и исцеленный Прохор с особым усердием принял новое послушание – сборщика; обходя города и селения, он дошел и до Курска. Здесь он еще раз увиделся и со своею матерью, братом Алексием и другими родными; от них он получил усердную лепту на святое дело и возвратился в родной духовно Саров.

В этой смертельной болезни умерло в Прохоре человеческое: отныне он – уже не земного «рода», а небесного. Здесь же раб Божий жил внешнею видимостью: он даже и дом посетил как бы мимоходом, чтоб совсем потом забыть о нем. За 8 лет послушничества он всею душою прилепился к горнему миру: там он был истинно родной.

Оставалось запечатлеть это благодатным постригом: послушник созрел уже до иноческого новорождения.

⁵ Из жития святого Феодора Сикеота.

Глава IV В ангельском чине

В конце Успенского поста, 13 августа 1786 года⁶, игумен Пахомий постриг послушника Прохора в монашество. Вместо него родился для новой духовной жизни в «ангельском чине» инок Серафим, что значит с еврейского языка и «пламенный», и «согревающий». И это имя, несомненно, данное ему за его горение духа, он оправдал вполне и свою пламенную любовь к Богу и Божией Матери, и теплою ласкою к людям. Легко и с трепетною радостью подклонил голову свою под ножницы постригающего новый монах, ни одна мысль о разлуке с миром не омрачила его души в момент духовного «венчания» ее с Женихом Небесным. Как созревший плод, отдал он себя в руки Божии. Вместе с отрезанными волосами окончательно обрезалась прошлая жизнь: отныне взявшийся за плуг подвижник никогда уже не будет озираться назад (ср. Лк. 6, 62). «Я, матушка, – говорил он впоследствии дивеевской сестре Прасковье, – всю монастырскую жизнь прошел и никогда, ниже мыслью, не выходил из монастыря».

Теперь у него все впереди. И если всякий монах по опыту знает, какую радостью и ревностью ко спасению зажигает благодать Божия душу новопостриженного, то каким же огнем загорелся пламенный дух Серафима!..

Мы не знаем этого из его слов: не любил он рассыпать по людям тайн внутренней своей жизни. И другим потом не советовал: «Не должно без нужды другому открывать сердца своего. Из тысячи можно найти только одного, который бы сохранил твою тайну»; «Всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований. В противном случае потеряешь и не найдешь. Всего жалостнее то, что от сего нехранения и многословия может погаснуть тот огонь, который Господь наш Иисус Христос пришел воврещи на землю сердца: ибо, – говорил преподобный словами святого Исаака Сирина, – ничтоже так устужает огонь, от Святого Духа вдыхаемый в сердце инок по освящении души, якоже соображение, и многословие, и собеседование».

И потому если он и прежде, во время послушничества, уклонялся в уединение и молчание, то теперь и вовсе уходит внутрь клетки души своей (ср. Мф. 6, 6–7).

Позднее в наставлениях своих он учит: «Паче всего должно украшать себя молчанием. Ибо Амвросий Медиоланский говорит: молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголением же ни одного. И паки некто из отцов говорит, что молчание есть таинство будущего века, словеса же суть оружие мира сего» (Добротолубие, Т.V. Иноки Каллист и Игнатий); «От уединения и молчания рождается умиление и кротость»; «Пребывание в келье в молчании, упражнении, молитве и поученье делает человека благочестивым»; ты только сиди в келье во внимании и молчании, всеми мерами старайся приближать себя к Господу; а Господь готов сделать из человека Ангела»; «Ежели не всегда можно пребывать в уединении и

⁶ В день кончины святителя Тихона Задонского.

молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями, то хотя некоторое время, оставшееся от послушания, должно посвящать на это, и за сие малое не оставит Господь Бог ниспослать благодатную Свою милость».

Особенно же преподобный Серафим наблюдал, «чтобы не обращаться на чужие дела, не мыслить и не говорить о них, по псаломнику: *Чтобы уста мои не говорили о делах человеческих...* (Пс. 16, 4); а молить Господа: *От тайных моих очисти меня* (Пс. 18, 13)».

Даже во внешнем поведении иноку нужно вести себя собранно и замкнуто: «встречающихся старцев или братию» должно «поклонами почитать, имея очи всегда заключены».

Даже «сидя за трапезою, не смотри» ни на кого «и не осуждай, кто сколько ест; но внимай себе, питая душу молитвою».

И лишь два исключения делает преподобный: во-первых, при общении «с чадами Тайн Божиих», то есть с истинно духовными единомышленниками; а во-вторых, при печали брата: «Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить любовным словом». Но и тут нужно быть рассудительным; неопытному же лучше и здесь молчать, особенно кто самого себя не устроил еще. «Аще себя не понимаешь, то можешь ли рассуждать о чем и других учить?» – говорил преподобный одному иноку. «Молчи, беспрестанно молчи, помни всегда присутствие Божие и имя Его. Ни с кем не вступай в разговор, но всячески блюдишь осуждать много разговаривающих или смеющихся. Будь в сем случае глух и нем». Несомненно, он и сам так поступал, особенно в начале иночества: «Человек должен обращать внимание на начало и конец своей жизни; в середине же, где случается счастье или несчастье, должен быть равнодушен».

В частности, преподобный настойчиво советовал иноку строго «хранить себя от обращения с женским полом: ибо как восковая свеча, хотя и не зажженная, но поставленная между горящими, растаивает, так и сердце инока от собеседования с женским полом непременно расслабевает».

И даже в старости своей он дал такой совет одному семинаристу, впоследствии настоятелю монастыря, архимандриту Никону: «Бойся, как геенского огня, галок намазанных (женщин); ибо они часто воинов царских делают рабами сатаны...» И сам он, как сейчас увидим, был в начале монашества необыкновенно осторожен и решителен.

Еще можно было бы прибавить к этому сокровенному моменту первых дней монашества святого несомненное усиление в молитвенном подвиге; а затем и стремление к полному уединению, куда обычно влекутся сердца пламенных богомольцев. Но это осуществится несколько позднее; а теперь ему предстоит служение среди братии и сотрудничество своим духовным отцам игумену Пахомию и старцу Исаии, который был дан ему в духовные отцы при его постриге, которым он вверился с детским послушанием в ответ на их крепкую любовь к нему.

Вскоре же после пострига он был представлен к рукоположению в сан диакона. И 27 октября того же 1789 года, то есть всего лишь через два с половиною месяца, он был рукоположен епископом Виктором Владимирским: Саров тогда входил в эту епархию. Повышая так скоро новопостриженного инока, святые отцы отметили этим то глубокое уважение, каким пользовался уже угодник Божий еще во время послушнического искуса. К нему применимо слово Писания: *достопочтенная старость не числом лет почитывается, лишь по-человечески – «в седине и мудрость, а в старом возрасте – житие нескверное»*. Но благоугодивший Богу делается любим Им и людьми, несмотря на молодость; ибо он *исполнил долгие лета; ибо душа его была угодна Господу* (Прем. 4, 8-14). И отец игумен, обычно строгий в соблюдении уставов и церковных порядков, на сей раз считает молодого инока достойным высокой чести, проявляя в этом и свою особую к нему любовь. «Блаженной памяти отцы наши, строитель Пахомий и казначей Иосиф, – говорил после угодник Божий, – мужи святые, любили меня, как свои души. И ничего ими от меня не потаено; и о том, что им было для своей души,

и для меня полезно, пек лися». А «когда батюшка Пахомий служил, то без меня, убогого Серафима, редко совершал службу».

И даже выезжая куда-либо из монастыря, особенно для богослужений, брал с собою именно иеродиакона Серафима и ничего от него не таил: так он любил и ценил его.

Но Промысл Божий имел и другую, более благую и высокую цель в новом послушании – развивать и усовершенствовать в своем пламенном слуге горение любви к Богу и восхищающий в горний мир дух молитвы: этому же ничто так не содействует, как собственное участие в служении Божественной литургии. Между тем если бы преподобный остался на обычных иноческих послушаниях, то они отвлекали бы его от предназначенного ему Богом пути созерцательной жизни. Теперь же, в течение 6 лет и 10 месяцев, преподобный очень часто служит литургии, уносясь в иной, ему уже свой, мир. «Сей – от рода нашего», – говорила Небесная Госпожа его.

Как он готовился к совершению пренебесного Таинства, видно из того, что под воскресенье и праздничные дни преподобный целые ночи проводил в молитве. А по окончании службы задерживался в храме, приводя в порядок утварь, складывая облачения, заботясь о чистоте храма. Насколько высоко он ценил славу священное лужения, видно и из завещания его дивеевским сестрам, прислуживавшим в церкви.

«Все церковные должности, – записала монахиня Капитолина, – должны исправляться только девицами: так Царице Небесной угодно! Помните это и свято сохраняйте, передавая другим!»

«Никак и никогда не позволять входить в алтарь непостриженным сестрам»; «Никогда, Боже упаси, ни ради чего, ни ради кого бы то ни было не разговаривать в алтаре, если бы даже пришлось и потерпеть за это; ибо Сам Господь тут присутствует! И трепеща, во страхе предстоят Ему все Херувимы и Серафимы и вся Сила Божия. Кто же возглаголет пред лицом Его!» – говорил батюшка.

Даже вытирая пыль и выметая сор из храма Божия, не должно бросать его с небрежением и куда попало: «Токмо прах храма Божия свят уже есть». И воду сливать тоже нужно в особое чистое место.

И вообще батюшка учил так о храме: «Нет паче (выше) послушания, как послушание в церкви! И если токмо тряпкою протереть пол в доме Господнем, превыше всякого другого дела поставится у Бога. Нет послушания выше церкви! И все, что ни творится в ней, – и как входите, и отходите, – все должно творить со страхом и трепетом и никогда не престающею молитвою. И кого токмо убоимся в ней! И где же и возрадуемся духом, сердцем и всем помышлением нашим, как не в ней, где Сам Владыка Господь наш с нами всегда сопresentsует!»

«И никогда в церкви, кроме необходимо должного же церковного и о церкви, ничего не должно говорить в ней! И что же краше, выше и преславнее церкви!»

Так он чувствовал, так и сам поступал до самой смерти. Один из посетителей удостоился побывать у него за 10 дней до кончины.

«Я пришел, – писал он, – в больничную церковь к ранней обедне, еще до начала службы. И увидел, что о. Серафим сидел на правом клиросе, на полу. Я подошел к нему тотчас под благословение; и он, благословивши меня, поспешно ушел в алтарь, отвечая на мою просьбу побеседовать с ним:

– После, после!

Какою же неземною жизнью жил он сам в храме, и особенно за литургией, об этом в некоторой степени можно лишь догадываться из слов его, что, пребывая в храме, он забывал и отдых, и пищу, и питье и, оставляя церковь, об одном лишь говорил с жалостью: «Почему человек не может, подобно Ангелам, беспрестанно служить Господу?» – а их он созерцал не раз при совершении богослужения».

– Вид их, – говорил о. Серафим, – был молниезрачен; одежда белая, как снег, или золотканая; пение же их и передать невозможно.

Невыразимый восторг охватывал тогда преподобного. *«Бысть сердце мое, – говорил он, – яко воск тает от неизреченной радости (Пс. 21, 15). И не помнил я ничего от такой радости. Помнил только, как входил в святую церковь да выходил из нее».* И однажды он во время литургии сподобился такого видения, какого удостаивались очень немногие и из самых великих святых.

«Однажды случилось мне служить в святой и Великий четверток. Божественная литургия началась в два часа пополудни, и обыкновенно – вечернею. После малого входа и паремии возгласил я, убогий, в Царских вратах: “Господи, спаси благочестивый и услыши ны!” и, войдя в Царские врата и наведя ораером на народ, окончил: “И во веки веков”, – вдруг меня озарил луч как бы солнечного света. Взглянув на это сияние, увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа, во образе Сына Человеческого, во славе и неизреченным светом сияющего, окруженного Небесными Силами, Ангелами и Архангелами, Херувимами и Серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат грядущего на воздухе. Приблизясь в таком виде до амвона и воздвигнув пречистыя Свои руки,

Господь благословил служащих и предстоящих; посем вступив во святой местный образ Свой, что по правую сторону Царских врат, преобразился, окружаемый Ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом во всю церковь. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса на воздухе, удостоился особенного от Него благословения; сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу!»

Преподобный Серафим изменился видом и, пораженный божественным видением, не мог сойти даже с места у Царских врат. Заметив это, о. Пахомий послал двух других иеродиаконов, которые, взяв его под руки, ввели во святой алтарь. Но он еще около трех часов продолжал стоять здесь неподвижно в благодатном изумлении. И только лицо его все время изменялось: то делалось бело, как снег, то разливался по нему румянец.

После окончания богослужения старцы спросили его: «Что случилось?»

И о. Серафим, ничего не таивший от своих духовных отцов, поведал им все. Они дали завет ему: ограждать себя молчанием и еще более углубляться в смирение, опасаясь надмения от такого необычного видения. Преподобный принял их наставление со всею кротостью и молчал до нужного времени.

А что испытывал угодник Божий в Святом Таинстве Причащения, то ведомо вполне ему лишь одному. Из наставлений же его мы знаем, какое величайшее значение он придавал святой Евхаристии.

Когда его спросили, как часто приступать к пренебесному Таинству, он ответил: «Чем чаще, тем лучше».

В частности, дивеевским сестрам дал следующее правило, как записала инокия Капитолина: «Не следует пропускать случая как можно чаще пользоваться благодатию, даруемой приобщением Святых Христовых Таин. Стараясь по возможности сосредоточиться в смиренном сознании всецелой греховности своей, с упованием и твердою верою в неизреченное Божие милосердие, следует приступать к искупляющему вся и всех Святому Таинству, умиленно говоря: “Согрешил, Господи, душою, сердцем, словом, помышлением и всеми моими чувствами”».

Особенно замечательно завещание об этом святого Серафима духовнику Дивеевской обители о. Василию.

«Приобщаться Святых Христовых Животворящих Таин заповедую им, батюшка, во все четыре поста и двенадесятые праздники; даже велю и в большие праздничные дни: чем чаще, тем и лучше. Ты, духовный отец их, не возбраняй, сказываю тебе, потому что благодать, даруемая нам приобщением, так велика, что как бы ни недостоин и как бы ни грешен

был человек, но лишь бы в смиренном токмо сознании всегреховности своей приступал к Господу, искупляющему всех нас, хотя бы от головы до ног покрытых язвами грехов, и будет очищаться, батюшка, благодатию Христовою, все более и более светлеть, совсем просветлеет и спасется. Вот, батюшка, ты им духовный отец, и все это я тебе говорю, чтоб ты знал».

«При этом, – пишет о. Василий, – как духовного отца сестер обители, батюшка назидал меня, приказывая быть всегда, сколь возможно снисходительнее на исповеди, за что по времени меня многие укоряли, осуждали, даже гневались на меня и до сих пор еще судят, но я строго блюду заповедь его и всю жизнь мою сохранял. Угодник Божий говорил: “Помни, ты только свидетель, батюшка, судит же Бог! А чего, чего, каких только страшных грехов, аще и изрещи невозможно, прощал нам всецелый Господь и Спаситель наш! Где же нам, человекам, судить человека! Мы лишь свидетели, свидетели, батюшка; всегда это помни: одни лишь только свидетели, батюшка!”»

Одному мирянину он дал такую заповедь: «Четыре раза приобщайся. И один раз – хорошо. Как Бог сподобит!» – «кто приобщается, спасен будет; а кто не приобщается – не мною: где Господин, там и слуга будет (ср. Ин. 12, 26)». В другой раз преподобный изрек глубокую тайну, что причащение одного спасительно бывает и для других:

«Благоговейно причащающийся Святых Тайн, и не однажды в год, будет спасен, благополучен и на самой земле долговечен. Верую, – присовокупил он, – что по великой благодати Божией ознаменуется благодать и на роде причащающегося. Пред Господом один творящий волю Его, паче тьмы беззаконных».

Дивное, и утешительное, и поучительное откровение!

При этом батюшка успокаивал тех, кто страшился приступать к Таинству по сознанию недостойнства своего. Это мы видели и из завещания о. Василия, но особенно сильно выразилось это в случае с послушником Иоанном.

Однажды, накануне двенадцатого праздника, когда должно было приобщаться Святых Тайн, он вкусил пищи после вечернего богослужения, что не полагалось уставом обители. К этому присоединилось у него и общее сознание своего недостойнства; и послушник начал падать духом; и чем более думал, тем более отчаивался: «Тьма ужасающих мыслей, одна за другою, теснились в голове моей. Вместо упования на заслуги Христа Спасителя, покрывающие все согрешения, мне представилось, что по суду Божию за мое недостойнство я буду или сожжен огнем, или живой поглощен землею, как только приступлю к Святой Чаше».

Желая найти успокоение совести, послушник исповедался, но и это не внесло мира в душу его; и он, стоя в алтаре, продолжал мучиться. Святой Серафим, прозрев это, подозвал его к себе и сказал дивные слова: «Если бы мы океан наполнили нашими слезами, то и тогда не могли бы удовлетворить Господа за то, что он изливает на нас туне, питая нас Пречистою Своею Плотию и Кровию, которые нас омывают, очищают, оживотворяют и воскрешают. Итак, приступи без сомнения и не смущайся; только веруй, что это есть истинное Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, которые даются во исцеление всех наших грехов».

Послушник, успокоившись, с верою и смирением приступил к Святому Таинству.

Но в другой раз угодник Божий изрек страшное слово о недостойных причастниках.

Одна молодая вдова, Анна Петровна Еропкина, прожившая в браке лишь три месяца, рассказывая об о. Серафиме, между прочим записала следующее. Когда любимый муж ее неожиданно заболел, она боялась предложить ему приобщиться Святых Христовых Тайн, опасаясь испугать его, а он, хотя был тоже весьма религиозен, боялся огорчить жену приглашением священника. И так без причащения скончался. Жена очень мучилась этим: «Особенно умереть без напутствования Святыми Тайнами мне казалось карою Божией за мои и мужа моего грехи; мне думалось, что муж мой будет навеки отчужден от жизни Божией...

После похорон я доходила до отчаяния и, пожалуй, лишила бы себя жизни, если бы не было за мной строгого надзора».

Так вдова промучилась десять месяцев. Затем, по совету своего дяди, отправилась за 500 верст в Саров; здесь она нашла полное успокоение у преподобного, а относительно смерти мужа батюшка сказал ей так: «Не сокрушайся об этом, радость моя, не думаю, что из-за этого одного погибнет его душа. Бог только может судить: кого чем наградить или наказать». И далее вот и добавил: «Бывает иногда так: здесь, на земле, и приобщаются, а у Господа остаются неприобщенными!»...

...Как это страшно! Как вразумительно!..

«Другой же хочет приобщиться, но почему-нибудь не исполняется его желание, совершенно от него независимо; такой невидимым образом сподобляется причастия через Ангела Божия». Вдова успокоилась.

А иногда Господь и явно наказывает недостойно приступающих к Таинству.

Протоиерей г. Спасска о. Петр Феоктистов описал следующий случай. Один диакон, обличенный в дурном поведении своим священником, сам через свидетелей, принесших ложную присягу в оправдание его, обвинил перед епископом иерея. Дякона повысили: из села перевели к о. Петру в город. Он продолжал здесь служить, не смущаясь в совести. Вскоре диакон приехал в Саров и направился к о. Серафиму. Увидев его, прозорливый угодник вышел навстречу из своей кельи, мгновенно поворотил его назад и с гневом сказал: «Поди, поди от меня; это не мое дело!»

Диакон не знал, что делать дальше.

Некий инок посоветовал ему сначала исповедаться. Но и это не помогло: батюшка и второй раз выгнал его: «Поди, поди, клятвопреступник, и не служи!»

Диакон возвратился домой и обо всем происшедшем рассказал домашним, но не подумал исправить своего греха клятвопреступления. Тогда Бог покарал его Своею десницею. Когда священник перед литургией произнес с ним молитву по чину: «Господи! устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою», – вдруг диакон, вместо того чтобы по уставу сказать: «Время сотворити Господеви: владыко, благослови», онемел. И должен был уйти даже из церкви домой. Там способность речи возвратилась к нему. Но как только он снова входил в храм, язык опять отнимался. Такое Божие наказание продолжалось целых три года, пока недостойный служитель не дошел до полного раскаяния. В день Вознесения Господня, на утрене после величания, запели псаломский стих: *Все народы, восплещите руками, воскликните Богу гласом радости* (Пс. 46, 2). Диакон, как он рассказывал после, пораженный от этих слов внезапным ужасом, стал молиться о помиловании, и вдруг язык разрешился от немоты.

Обрадованный исцелением, а еще больше милостью Божией, он тут же в храме открыто раскаялся во всем, поведал о совершившемся чуде и прославил прозорливого своего обличителя о. Серафима. Так «Бог, – учит батюшка, – являет нам Свое человеколюбие», всячески спасает нас «не только тогда, когда мы делаем доброе, но и когда оскорбляем и прогневаем Его. Как долготерпеливо сносит Он наши беззакония! А когда наказывает, как благоутробно наказывает!»

«Посему, – говорит преподобный Серафим словами Исаака Сирина, – не называй Бога Правосудным; ибо в делах твоих» – т. е. при множестве наших грехов и Божией милости к нам, – «не видно Его правосудия», «и Сын Его показал нам, что Он более благ и милостив. Где Его правосудие? Мы были грешники, *Христос умер за нас* (Рим. 5,8)».

Но возвратимся снова к житию самого угодника Божия. В этот период его иеродиаконства подобает отметить один случай из его жизни, связавший его потом навеки с духовным созданием его – Дивеевскою обителью.

В 1789 году, в начале июня, о. Пахомий с казначеем о. Исаиею отправились в с. Леметь на погребение благодетеля монастыря, помещика Александра Соловцова. По обычаю, отец игумен взял с собою иеродиакона Серафима. По дороге они заехали в Дивеево навестить основательницу общины, блаженную Агафию Семеновну Мельгунову, в монашестве Александру. Она получила от Господа извещение о близкой кончине своей и просила отцов, чтобы особоровали ее. При прощании же с ними мать Александра стала умолять о. Пахомия не оставить без попечения и ее сирот. Старец ответил пророчески: «Матушка! Послужить, по силе моей и по твоему завещанию, Царице Небесной... не отрекаюсь... Но как же и браться за то, не знаю: доживу ли до этого времени. А вот иеродиакон Серафим, – духовность его тебе известна, и он молод, – доживет до этого, ему и поручи это великое дело».

Матушка Агафия ответила, что она лишь просит, а «Царица Небесная Сама тогда наставить его изволит».

Старцы уехали. На обратном пути 13 июня они успели как раз к погребению ее. Отслужив литургию и отпевание почившей старицы, они хотели было направиться в Саров. Но шел сильный дождь; о. Пахомий задержался. Святой же иеродиакон Серафим по своему целомудрию и тщательной бережливости духовной не остался даже на поминальный обед в женской обители, а тотчас же после отпевания, несомненно, с благословения отцов, знавших его духовное трезвение, пешком ушел в свой монастырь под дождем.

Дивны и несоизмеримы Божии угодники! Кто бы иной так поступил? Какая сила и решимость! Какая предосторожность! И это у него, ангелоподобного Серафима...

Но многим ли известен другой, еще более поразительный и поучительный факт: сей святой угодник, можно сказать, духовно родивший Дивеевскую обитель и насельниц ее, после этого единственного случая никогда больше не был там!.. А созидал и управлял всем за 12 верст из

Сарова!.. Событие – просто непостижимое и для других невозможное...

Да, непросто люди становятся «святыми». Даже говорить о них трудно и стыдно нам, грешным. А подражать им – ни сил не хватит, ни даже вполне представить их подвигов немыслимо. Это особые люди... Это великаны небесные. Гиганты духа. Это – не нашего рода, земного, грешного, немощного...

...Прошло почти 7 лет монашества и диаконства о. Серафима. Отец Пахомий приближался уже к смерти. И еще при жизни своей он хотел видеть своего возлюбленного сомолитвенника в полной иерейской благодати.

Вместе со старшей братией, которые тоже видели подвиги и святое житие молодого инока, о. настоятель обратился с ходатайством о рукоположении его в сан иеромонаха к Феофилу, епископу Тамбовскому, в епархию коего переведен был тогда Саровский монастырь. И 2 сентября 1793 года пламенный Серафим получил новую благодать от рук сего святителя.

Казалось бы, что теперь перед ним открывается более широкое поприще служения и монастырю, и братии, и богомольцам. Но загоревшаяся сильным пламенем любви к Богу душа не может успокоиться и остановиться на пол пути.

«Бог есть огонь, – говорит батюшка, – согревающий и разжигающий сердца и утробы».

«Стяжавший совершенную любовь существует в жизни сей так, как бы не существовал, ибо считает себя чужим для видимого, с терпением ожидает невидимого. Он весь изменился в любви к Богу и забыл всякую другую любовь».

«Истинно любящий Бога считает себя странником и пришельцем на Земли сей; ибо душою и умом в своем стремлении к Богу созерцает Его одного».

Семь лет иночества, большею частью проведенные возле престола Божия, воспламенили в о. Серафиме жажду к боголюбивому уединению в пустыне.

А к тому же и друзья один за другим отходили в иную жизнь, что еще сильнее влекло его к мыслям о суетности этого скоропреходящего мира: о. Иосиф, первый старец его, давно

скончался; о. Пахомий теперь готовился к исходу; оставался третий руководитель, тоже горячо любивший преподобного, казначей и старец по постригу, о. Исаия, будущий игумен обители. Отец Серафим и решил воспользоваться его властью для осуществления своего желания, к которому он стремился душою уже давно, – уйти в уединение. Ведь еще в бытность послушником, побуждаемый своим духом и увлекаемый примерами игумена Назария, Марка-молчальника, Дорофея-пустынника, он с разрешения игумена и благословения своего старца Иосифа иногда уходил в лес. Там он в сокровенном месте сделал себе малую кущицу и некоторое время проводил в созерцании и молитве. Здесь он совершал краткое, но многократное правило, «еже даде Ангел Господень великому Пахомию Египетскому»⁷. Но и все остальное время проходило у Прохора в «памяти Божией» и непрестанной молитве, которая сделалась для него дыханием души.

С богомыслием он соединял тогда и особый пост: вкушал лишь один раз в день, и то хлеб и воду, а по средам и пятницам совсем воздерживался от пищи и питья.

Но эти подвиги были лишь началом и первыми пробными опытами молодого духа в его полетах в горние выси. За 16 лет непрерывного подвижничества в обители окрепли духовные крылья, и «небесный человек» отлетел в уединение «Бога ради».

Впрочем, есть основание полагать, что была и другая причина этому. Не должно думать, что монастыри, даже и хорошие, благоустроенные, представляют из себя мирное селение ангелоподобных людей. Нет, это места покаяния, подвигов и борьбы. И нигде так враг не возмущает души, как у подвижающихся иноков. И потому наряду со светлыми порывами и благодатными дарами всегда в монастырях наблюдались и козни вражьи, и страсти человеческие. И чистой душе о. Серафима трудно стало в этом училище борьбы. Испытывал ли он за этот период жизни личные огорчения от братии, иногда, может быть, завидовавших его подвигам, его святости, его любви у старцев, а особенно у игумена, его отшельничеству, точно нам неизвестно. Но сам он вот что высказал однажды другому иноку, пришедшему за советом о пустынножительстве. «Отче, – спросил тот, – другие говорят, что удаление из общежития в пустыню есть фарисейство и что таковым применением делается пренебрежение братии или еще – осуждение оной?» – Отец Серафим на сие ответил: «Не наше дело судить других. И удаляемся мы из числа братства не из ненависти к ним, а для того более, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому невместительно быть там, где словом и делом прогневляется Господь Бог. И потому мы, отлучаясь от братства, удаляемся только от слышания и видения того, что противно заповедям Божиим, что при множестве братии случается. Мы бегаем не людей, которые с нами одного естества и носят одно и то же имя Христово, но пороков, ими творимых; как и великому Арсению сказано было: “Бегай людей, и спасешься!”»

Внешним же поводом послужила болезнь. От долгих церковных и келейных молитв у преподобного заболели ноги: они распухли и покрылись ранами; и ему трудно стало нести монастырские послушания. На это и указано было официально как на первую причину. Но главное внутреннее основание было духовное: «По усердию... единственно для спокойствия духа. Бога ради».

Побуждаемый всеми сими обстоятельствами, а правильнее сказать, руководимый Самим Духом Святым, о. Серафим, несомненно, еще при жизни о. Пахомия испросил у него благословение на пустынножество. Теперь пришло это время: отец игумен доживал последние дни свои. Преподобный был при нем неотходно и служил ему с горячим усер-

⁷ Оно состоит из обычного начала с Трисвятого по «Отче наш»; потом «Господи, помилуй» (12 раз); «Слава и ныне»; «Приидите, поклонимся» (трижды); псалом 50-й «Помилуй мя Боже»; «Верую»; 100 молитв Иисусовых; «Достойно» и отпуст. Таких молитв нужно было совершать 12 днем и 12 ночью по числу часов. Оно заменяло пустынноикам богослужения суточного круга.

дием, помня, как настоятель с любовью ухаживал за ним в течение трех летней его болезни. В это время ему и передано было попечение о Дивееве.

Однажды о. Серафим заметил в лице о. Пахомия какую-то особую заботу и грусть.

– О чем, отче святой, – спросил он старца, – так печалишься ты?

– Я скорблю о сестрах Дивеевской общины, – ответил болящий, – кто их будет назирать после меня?

Тогда преподобный, обычно столь смиренный, и в особенности осторожный к женскому полу, обещал умиравшему продолжать его дело: это было внушением Духа Божия и волею Царицы Небесной. Отец Пахомий обрадовался и в благодарность поцеловал Серафима. И затем скоро мирно почил в Бозе (6 ноября 1794 г.). На его место был избран о. Исаия. Горько оплакав и похоронив своего отца, благодетеля и друга во Господе, батюшка от нового настоятеля и своего старца получил разрешение и благословение на пустынножительство⁸.

Это был опять канун Введения Божией Матери в храм. В тот же самый день 20 ноября, 16 лет тому назад, молодой Прохор входил в монастырские ворота, ныне горящий духом Серафим выходит из них, но не в мир, а еще дальше от него, в глубь пустыни. Божия Матерь ведет Своего возлюбленного слугу и молитвенника внутрь скинии, во святая святых, ближе к Себе и Богу.

Монастырская келья была для него порогом к истинному монашеству – уединенному всецелому общению с Богом, к внутренней молитве.

– Одна молитва внешняя недостаточна, – наставлял он одного будущего инок, – Бог внемлет уму. А потому те монахи, кои не соединяют внешнюю молитву с внутренней, – не монахи, а черные головешки.

У пламенного же о. Серафима внутреннее горение стало уже столь сильно, что ему нужен был полный простор для его духа, в безмолвии.

«Люблю вас, – говорил братии святой Арсений Великий, удаляясь из общежития в пустынь, – но Бога люблю больше. И не могу быть вместе с Богом и людьми».

«Безмолвник есть земной вид Ангела». К этому естественному концу привели о. Серафима послушнические и монашеские его годы в «ангельском чину».

⁸ «Объявитель сего, – говорится в отпускном монастырском билете от 20 ноября 1794 г., – Саровской пустыни иеромонах Серафим уволен для пребывания в пустыни в своей (т. е. монастырской) даче: по неспособности его в обществе, за болезнью, и по усердию, после многолетнего искушения в той обители и в пустынь уволен единственно для спокойствия духа, Бога ради, и с данным ему правилом согласно святых отцов положением; и впредь ему никому не препятствовать пребывание иметь в оном месте; и оное утверждаю, строитель иеромонах Исаия... Для верности печать прилагаю при сем».

Глава V

Дальняя пустынька

В пяти верстах от монастыря, на берегу реки Саровки, в дремучем сосновом лесу на возвышенном холме стояла деревянная келья, в одну комнату, с сенями и крылечком. В ней и поселился преподобный пустынный. Икона Божией Матери в одном углу, печь в другом, обрубок дерева, заменявший и стол и стул, глиняный горшок для сухарей – вот и все убранство этой «дальней пустыньки». Под полом кельи был устроен тесный подвал, может быть, для хранения овощей. Но о. Серафим пользовался им для уединенной молитвы, скрывался от посетителей, а летом отдыхал от жары. Вокруг нее преподобный развел маленький огород, на котором выращивал картофель, капусту, лук, свеклу и т. п. Одно время он завел было даже и пчельник, но после оставил это занятие – вероятно, потому, что оно отвлекало его от внутренней жизни. Здесь подвижник провел тоже почти шестнадцать лет, пока не восшел на высшую ступень... Шестнадцать лет – легко сказать. А что же творилось за эти долгие годы в душе его, душе сильной, решительной, боговосхищенной, – кто может объяснить это? «Вкусивший сладости

Божией стремится на безмолвие, – говорит св. Иоанн Лествичник, – чтобы ненасытно насыщаться им без всяких препон».

«Пустыня, – любил приводить слова свт. Василия Великого о. Серафим, – рай сладости, где и благоуханные цветы любви (к Богу) то пламенеют огненным цветом, то блистают снеговидною чистотою; с ними мир и тишина... Там фимиам совершенного умерщвления не только плоти, но, что славнее, и самой воли; там кадило всегдашней молитвы, непрестанно возжигаемое огнем любви Божественной, там цветы добродетели, блистая различными украшениями, процветают благодатию неувядаемой красоты».

И св. Серафим насыщался и наслаждался красотой этого сладкого рая. Душа его жила внутреннею молитвою, которая давно уже соделалась непрестанною – текущей живой водою для него. В ней была главная жизнь его теперь, в пустыни. Большею частью он совершал богослужение по обычному распорядку: после полуночи читал правило св. Пахомия, потом утренние молитвы, полунощницу, утреню и т. д. – до повечерия включительно. Иногда же он заменял уставные службы земными поклонами с молитвою Иисусовою: так, вместо вечернего правила клал тысячу поклонов. Но сверх этого о. Серафим был всегда в непрестанной «памяти Божией» и богомыслии. Нередко его заставляли как бы в изумлении: иногда, занимаясь каким-либо делом на огороде, он вдруг, незаметно даже для себя, выпускал из рук мотыгу и погружался духом своим в горний мир; или отрубит один, два, три куса дерева и, опустив топор, застынет в созерцании тайны Пресвятой Троицы— Единицы и молитвенном возношении к Ней. В эти моменты посещавшие его люди не беспокоили святого, ожидая, пока он придет в обычное состояние. Но иногда, не дождавшись этого, они незаметно уходили от пустыньки, не тревожа благодатных озарений святого и получив назидание и утешение от такого зрелища не менее, чем от поучений. Как мало сказано, а в сущности почти все

уже сказано, потому что именно в этой созерцательной жизни, в этом непрерывном богообщении и проходили главным образом все эти шестнадцать лет пустынножительства.

Душа – великая тайна, и жизнь ее у подвижников вся сокрыта в Боге. Недаром о. Серафим даже за работой пел все о горнем мире. «Пустынным непрестанное божественное желание бывает, мира суетного сущим кроме», т. е. у вышедших из мира всегда бывает желание Бога... Или ирмос 3-го гласа: «Иже от несущих (из ничего) вся приведый. Словом созидаемая, совершаемая Духом, Вседержителю вышний, в любви Твоей утверди мене... Утверди, укрепи в любви к Тебе». Или чудный догматик Богородице: «Всемирную славу, от человек прозябшую и Владыку рождшую, Небесную дверь воспоим Марию Деву, бесплотных песнь... Дерзайте убо, дерзайте, людие Божи».

Живя горним миром, преподобный даже окружающим местам дал имена, напоминавшие ему о небесных жителях и святых событиях: у него были свой град Иерусалим, Голгофа, Вифлеем, Назарет, Фавор, Иордан, Кедрон и т. п. Гору свою он назвал Афоном. Обходя эти места, он нередко совершал там соответственные молитвословия: в Вифлееме – утреню; в Назарете – акафист Богородице, на Голгофе – 9 час и т. д.

Чтение Слова Божия по-прежнему занимало у него довольно много времени, но и оно являлось для него иным лишь способом к единой цели – зрению иного мира. «Священное Писание, – говорил он после, – должно читать для того, чтобы дать духу своему свободу возноситься в небесные обители и питаться от сладчайшей беседы с Господом».

Прочее время о. Серафим употреблял на телесные труды, без которых немислима жизнь иноческая даже и в пустыни: то занимался он огородом, то собирал мох, то готовил дрова, то укреплял берег. А впоследствии еще стал носить за плечами суму, грузно наполненную песком и камнями, в которой лежало и святое Евангелие. Когда его спрашивали, для чего это он делает, преподобный отвечал словами святого Ефрема Сирина:

«Томлю томящего мя» (т. е. врага, нападающего на подвижников). Для той же цели, для полного умерщвления ветхого своего человека, о. Серафим иногда прибегал к суровым подвигам: обнажившись до пояса, он работал где-либо возле болота или, сидя у своей кельи, отдавал себя на съедение комарам; и они искусывали его до того, что по лицу текла кровь, а тело распухало, синело и запекалось кровью. В баню преподобный никогда не ходил. Не носил он и теплых одежд: балахон из белого полотна, валяная камилавка, кожаные рукавицы, на ногах – или лапти, или кожаные «бахилы», – вот его одеяние круглый год. На груди всегда висел медный крест, материнское благословение. Пища его была самая простая, и притом ограниченная. «Хлеба и воды довольно для человека. Так было и до потопа», – сказал он мирянину.

– Можно ли есть скромное по постам, если кому постная пища вредна и врачи предписывают оставить пост?

Святой Серафим ответил: «Хлеб и вода никому не вредны. Как же люди по сто лет жили? ...не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих (Мф. 4,4). А что Святая Церковь положила на семи Вселенских Соборах, то исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавит к сему или убавит. Что же врачи говорят про праведных, которые исцеляли от гниющих ран одним прикосновением, и про жезл Моисея, которым Бог из камня извел воду?»

И сам о. Серафим знал это лучше других: поначалу пищей его был хлеб, и то черствый, который он брал из монастыря раз в неделю. Употреблял он и овощи со своего огорода; а потом, по благословию старца и игумена Исаии, и совсем перестал брать из монастыря хлеб, дабы ничем не обременять обители, а питаться по примеру апостола Павла, *работая своими руками* (1 Кор. 4, 12).

Так проводил пустынный свою жизнь в будни. А накануне воскресных и праздничных дней он являлся в обитель, слушал там богослужение; затем исповедовался, а наутро за ран-

ней литургией в известной нам больничной церкви свв. Зосимы и Савватия причащался Святых Таин. Затем оставался в монастыре до вечерни. В это время он принимал приходивших к нему за советами и утешением монахов и богомольцев. Когда же братия уходили к вечерней службе, о. Серафим, взяв с собою на неделю хлеба, незаметно возвращался в свою любимую пустыньку.

В течение же первой недели Великого поста он все время проводил в монастыре, не вкушая пищи до самого причащения в субботу.

Духовником его по-прежнему был старец, о. Исаия. Так мало-помалу о. Серафим стал восходить от силы в силу. Но чтобы укрепить своего подвижника в молитвенном духе, Премудрый Господь допустил ему испытание. Святые отцы изрекли даже странное слово: если бы не было бесов, то не было бы и святых, то есть если бы не было искушений, то меньше было бы поводов к подвигам святых, меньше было бы и венцов. И кто хочет более благодати, тот должен больше приготовиться к испытаниям, учит святой Исаак Сирин, этот величайший подвижник.

Поводом послужило следующее обстоятельство. Саровский монастырь в его время пользовался уже славой строгого устава и высокой жизни монахов. Поэтому не раз уже обращались к нему за устроителями и настоятелями для обителей других епархий. Между прочим, знаменитый восстановитель Валаамского монастыря, игумен Назарий, был постриженником Сарова и здесь же кончил дни свои пустынником в дни преподобного.

Не мог тем более укрыться от взоров человеческих пламенный Серафим. И вот ему всего лишь через два года после ухода в пустынь, в 1796 г., предлагают быть настоятелем Алатырского монастыря Самарской губернии с возведением в сан архимандрита. Преподобный безмолвник отклонил это и упросил о. Исаию отказать предлагавшим. На его место был послан инок Авраамий.

Но вскоре после этого враг с адскою злобою напал на святого, воздвиг в нем бурю «мысленной брани» и уныния⁹.

Мы видели уже, сколь страшным считает преподобный дух уныния, когда человеку не хочется даже существовать. Но он знал и путь к победе в молитве.

В лесу, приблизительно на полпути между кельей и монастырем, в стороне от дороги лежал огромный гранитный камень. Каждую ночь о. Серафим приходил сюда и, стоя или склонясь на колени с воздетыми руками к небу, взывал непрестанно: «Боже, милостив буди ми грешному!» А другой камень преподобный втащил в свою келью и там молился днем, чтобы не видели его люди. В таком великом подвиге он провел тысячу дней и тысячу ночей, отрываясь только для необходимого отдыха и подкрепления себя пищею... тысяча дней и тысяча ночей!.. Читали, слышали мы об этом... Но вникали ли? Понимаем ли?.. Да и возможно ли понять то, чего сами опытно не переживали и что даже представить по-должному не можем?.. Между тем подвиг, превосходящий силы человеческие. Мысленно поставим себя вблизи молитвенника, наблюдая за ним незримо.

Ночь, темно... Обычным людям жутко... А коленопреклоненный пустынник ни о чем не думает, лишь немолчно шлет к небесам вопль о помиловании: «Боже, будь милостив, будь милостив ко мне, грешнику!..» Подходят звери... Смерть грозит... А он не боится. Даже, может быть, желал быть растерзанным во искупление от грехов. Но они отходили от человека, не обращающего на них даже внимания. А он все вздыхал: «Боже, милостив буди мне грешнику!..» Грешнику... Грешнику. Пришла осень: дожди, грязь, холод. Лес шумит...

⁹ Существует предание, будто о. Серафим, отказавшись от повышения, на мгновение поддался искушению: пожалел об этом. А святые не только боролись с греховными делами, но самые пожелания считали не меньшим злом (ср. Мф. 5, 22, 28). Узрев в себе эту тень самости, преподобный и решил искоренить всякую привязанность к миру; ибо «недугующий страстию и покушающийся на безмолвие» рискует погубить все свое дело (еп. Феофан). Для этого он и взял чрезвычайный подвиг, дабы умолить Бога о прощении и победить искушение и врага.

Он весь мокрый... Кому не захочется в теплый угол?... А святой, воздевши мокрые руки, согревает душу теплотою покаяния: «Боже, будь милостив!.. Смилуйся! Согрешил. Прости! Накажи, но помилуй... Прогневил: возврати милость! Осквернил душу: очисти! Без чистоты – не вижу Тебя!» Зима... лютые морозы... трещат сосны... Коченеют руки и ноги...

Кости ноют от стужи. А он не может, не имеет права сойти с покаянного камня... И все вопит к Богу: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!» Сон, усталость охватывают все его существо... Замерзающему всегда особенно хочется спать... А подвижник переламинает закон природы и еще сильнее вытягивает руки, встает с колен и громче зовет: «Боже, милостив буди ми грешнику!»

А каковы были страхования от бесов?... Мог ли диавол оставить своего противоборца в такое время?... Конечно, нет. Но что его угрозы и страхи перед мыслью и мукой святого, который боится лишь одного: да не отступит от него Господь за грехи его...

Болят ноги... Раны... Обескровленные руки омертвевают... Но ему нужно исходатайствовать помилование: он согрешил.

...Тяжко все это даже представить... А что же было на самом деле!.. И так тысяча ночей... А в келье тысяча дней... Непостижимо!

Об этом подвиге преподобный молчал. Но все же молва дошла до епископа Тамбовского, и впоследствии он запросил игумена Нифонта. Последний ответил:

«О подвигах и жизни о. Серафима мы знаем; о тайных же действиях каких, также и о стоянии 1000 дней и ночей на камне никому не было известно».

Перед концом жизни преподобный сам открыл о своем искушении и подвиге некоторым из братии. Один из них в удивлении сказал: «Это – выше сил человеческих». Отец Серафим ответил ему: «Святой Симеон Столпник сорок семь лет стоял на столпе, а мои труды похожи ли на его подвиг?» Собеседник заметил, что, вероятно, благодать помогала ему. «Да! – ответил старец, – иначе сил человеческих не хватало бы. – Потом добавил: – Когда в сердце бывает умиление, то и Бог бывает с нами». Этим подвигом и благодатным умилением преподобный преодолел беса тщеславия и уныния и восшел на чрезвычайную высоту молитвенного духа. Так и самое зло обратил Господь во благо ему, по слову Писания: *любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу* (Рим. 8,28).

Незадолго перед кончиною святой старец поручил послушнику Иоанну найти в лесу этот камень, указав ему приметы места. Не сразу и с большим трудом нашел он его: листья и пыль занесли камень. Впоследствии почитатели о. Серафима начали откалывать от него небольшие куски и уносили с собою не только на память о подвиге, но и для благодатной помощи. И таким образом эти кусочки разошлись по всей России, и даже за границей можно найти их. К ним мы прикладываемся так же, как бы и к иконе. А иногда их погружают в воду и пьют ее потом во исцеление. Остатки лесного камня хранились в Сарове и Дивееве. А дневной, келейный, целиком был перевезен в Дивеевскую обитель.

Преодолев и победив искушение и получив от Бога внутреннее удостоверение о помиловании, святой Серафим снова возвратился к обычной, прежней, но еще более внутренне напряженной духовной жизни.

Только теперь на всю его жизнь здоровье уже значительно ослаблено. Особенно же стали болеть ноги. И, быть может, это было внешним поводом для подвижника к прекращению тысячедневного моления на камнях: преподобный увидел, что дальше ослабевший «друг» тело и совсем изнеможет и откажется служить духу.

Однако искушение повышением снова повторилось после великого подвига.

Отцу Серафиму предложили второй раз настоятельство в краснослободском Спасском монастыре. Но однажды искушенный становится опытным (ср. Иак. 1, 3–4). И преподобный спокойно, но решительно отклонил новое предложение, точно оно не его касалось уже. Тогда враг обратился к другим путям нападения.

Обычное искушение монашеское – через людей, особенно через женщин, – преподобный

Серафим устранил легко и просто. Он вообще почти никого не принимал в пустыньке; даже и из иноков к нему приходили весьма немногие: молчальник Марк, о. Исаия, иеродиакон Александр, после – о. Тихон. С братией же он беседовал лишь по праздникам, принимая их в монастыре между литургией и вечернею. Зная такой обычай его и благословение настоятеля, монахи уже не беспокоили его в лесу. Но миряне, и особенно женщины, влекомые молвою об отшельнике и побуждаемые своими скорбями, скоро нашли к нему дорогу и стали нарушать его безмолвие, «единственно» ради которого он и ушел из монастыря. Чтобы оградить себя от них, о. Серафим решил совсем не принимать никого, особенно женщин. Однако он сначала усердно помолился Господу и Пресвятой Богородице: есть ли на то воля Божия, чтобы оставлять людей без назидания и утешения? Для удостоверения он дерзновенно испросил знамения: если Богу это решение угодно, то пусть путь к его келье закроют деревья.

Как раз наступал праздник. Отец Серафим пошел по обычаю в монастырь. И вот при спуске со своей Афонской горы (куда, как известно, женщины совсем не допускаются) он увидел, что сосны склонились и завалили тропинку. Батюшка пал на колени с благодарностью к Богу за чудное знамение и поспешил в обитель к литургии. Служил о. Исаия соборне. Отец Серафим стоял в алтаре.

После Херувимской песни он благоговейно приблизился к своему духовному отцу: «Батюшка, отец строитель! – промолвил он кротко. – Благослови, чтобы на мою гору, на которой живу теперь, женам не было входа».

Отец Исаия, расстроенный подобной просьбой, ответил: «В какое время и с каким вопросом подошел ты, отец Серафим!» «Теперь-то и благослови, батюшка», – продолжал, нимало не огорчаясь, просить преподобный.

«Как же я могу за пять верст смотреть, чтобы женам не было входа?» – возражал о. Исаия в беспокойном духе. «Вы только благословите, батюшка, – настаивал смиренно, но твердо о. Серафим, – а уж никто из них не взойдет на мою гору!»

Тогда отец настоятель велел подать икону Божией Матери «Блаженное Чрево» и, благословив его, сказал: «Благословляю, чтоб не было женам входа на твою гору. А ты сам охраняй!»

Батюшка поцеловал святую икону и отошел. Причастившись Святых Таин, он ушел в пустыньку и завалил дорожку колодами. Вход к нему теперь был закрыт, но мужчин о. Серафим изредка все же принимал. Побужденный здесь, искустель нападает иначе. Если уж мирянину о. Серафим говорил: «Враг везде с тобою!» – то мог ли он оставить без козней его самого? А монахам он сказал, что иноки, живущие в монастыре, борются с противными силами как с голубями, а живущие в пустыни – как со львами и леопардами.

Один мирянин в простоте сердца задал вопрос о. Серафиму: «Батюшка! Видали ли вы злых духов?»

Старец с улыбкой ответил: «Они гнусны... Как на свет Ангела грешному взглянуть невозможно, так и бесов видеть ужасно, потому что они гнусны».

«Повел меня лесом, – передавала впоследствии сестра Акулина Малышева, – мимо своего камня и того места, где жил Марк-пустынник, и рассказывал все: как его тут враги искушали, как он с ними боролся-то тут».

Но подробных сведений об этой борьбе осталось немного. Вот что пишет автор Дивеевской летописи об искушениях врага: «По своей хитрости, начиная с легчайших искушений, он сперва наводит на подвижника страхования. Так, по сказанию одного почтенного летам иеромонаха Саровской пустыни, однажды во время молитвы он услышал вдруг за стенами кельи вой зверя; потом, точно скопище народа, начали ломать дверь кельи, выбили у

двери косяки и бросили к ногам молящегося старца претолстый кряж дерева, который после восьмью человеками с трудом был вынесен из кельи.

В другие разы и днем, особенно же ночью, во время стояния на молитве, ему видимо вдруг представлялось, что келья его разваливается на четыре стороны и что к нему со всех сторон рвутся страшные звери с яростным и диким ревом.

Иногда вдруг являлся перед ним открытый гроб, из которого вставал мертвец.

«Так как старец не поддавался страхованиям, диавол воздвигал на него жесточайшие нападения. Так он, по Божию попущению, поднимал его на воздух и оттуда с такою силою ударял его об пол, что если бы не Ангел Хранитель, самые кости от таких ударов могли бы сокрушиться. Но и этим не одолел старца...

Все видения, искушения и нападения врага о. Серафим побеждал силою крестного знамения и молитвами. После них долго он пребывал мирно в своей пустыне, благодаря Господа». «Искушение диавола, – говорил он дерзновенно после, – подобны паутине: стоит только дунуть на нее, и она истребится, так-то и на врага диавола: стоит только оградить себя крестным знамением, и все козни его исчезают совершенно».

Однако злокозненный враг неистощим в злобных замыслах своих против подвижников: не одолев святого борца внутренними искушениями и страхованиями, он напал на него внешне.

Это случилось уже через десять лет пустынножительства, 12 сентября 1804 года.

Однажды о. Серафим рубил в лесу дрова. К нему подошли три неизвестных крестьянина и нагло стали требовать денег:

– К тебе ходят мирские люди и деньги носят!

– Я ни от кого ничего не беру, – ответил старец.

Но они не поверили и напали на него. Батюшка обладал большою телесною силою, и, кроме того, он был с топором и мог бы защищаться. Мысль эта, как он после рассказывал, даже мелькнула у него в уме, но тотчас он вспомнил слова Спасителя: *взявшие меч, мечом погибнут* (Мф. 26, 52). И святой подвижник спокойно опустил топор и сказал: «Делайте, что вам надобно». Тогда один из разбойников поднял его же топор и обухом ударил пустынника по голове. Из рта и ушей о. Серафима хлынула кровь, и он без памяти упал на землю. Но злодеи продолжали бить его и потащили к келье, надеясь, что он там придет в память и сам укажет деньги. В сенях они связали его по рукам и ногам и стали обыскивать пустыньку: разбили даже печь, разломали пол и ничего не нашли. Вдруг на них напал страх, и они в ужасе убежали.

Отец Серафим пришел в сознание и с трудом развязал себя. Прежде всего он поблагодарил Бога, что сподобился принять невинные страдания и помолился о прощении злодеев. На другой день с необычным усилием он дошел до монастыря. Шла литургия. Братия ужаснулись страшному виду преподобного: одежда и волосы на голове и бороде были в крови и пыли; лицо и руки – в ранах; в ушах и устах запеклась кровь; часть зубов выбита. На вопрос монахов о. Серафим молчал. А после богослужения он все открыл о. Исаии и духовнику обители. Его оставили в монастыре. Восемь суток страдал больной невыносимо, не принимая ни пищи, ни питья, и без сна.

Отец настоятель, опасаясь за жизнь его, послал в Арзамас за медицинской помощью: прибыли три врача и три подлекаря. Осмотрев страждущего, они нашли следующее: голова у него была проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, по телу было еще несколько смертельных ран. Удивлялись они: как после этого человек мог еще оставаться в живых? С начала осмотра о. Серафим был в сознании, но к концу его он впал в забытие и сподобился дивного видения.

С правой стороны постели подошла к нему Пресвятая Богородица с теми же апостолами Петром и Иоанном, как и в первое посещение. Указав перстом правой руки на больного,

Она обратилась в ту сторону, где стояли врачи, и произнесла: «Что вы трудитесь?» Потом посмотрела на о. Серафима и опять сказала апостолам прежние слова: «Сей от рода нашего».

Видение кончилось. В это время вошел отец настоятель. Врачи предложили ему «пустить кровь» больному, омыть раны спиртом и приложить пластыри. Но батюшка отклонил все это, предаваясь на волю Божию и Пресвятой Богоматери.

И вдруг святой Серафим исполнился необычайной радости, которая продолжалась около четырех часов. К вечеру он неожиданно для всех встал с постели, а в девятом часу попросил себе хлеба и квашеной капусты и подкрепился. И постепенно стал оправляться. Но следы избиения остались на нем на всю жизнь: он еще и прежде, придавленный при рубке дерева, сделался сутулым, а теперь согнулся уже совсем. И с того времени о. Серафим ходил, подпираясь топориком или мотыгой.

Пять месяцев прожил в обители подвижник. Отец Исаия и братия советовали ему оставаться здесь совсем, но святой Серафим испросил благословение снова возвратиться в любимое уединение. Вскоре после этого злодеи были найдены; они оказались крепостными крестьянами из села Кременок Ардатовского уезда. Их хотели судить, но о. Серафим, узнав об этом, умолял помещика их Татищева и о. Исаию простить преступников.

«В противном случае, – заявил он настоятелю, – я оставлю Саровскую обитель и уйду в другое место».

Просьбу его исполнили. Но Бог Сам наказал злодеев: их жилища сгорели. Тогда они пришли к преподобному и со слезами принесли раскаяние, прося прощения и молитв у него.

Отец Серафим простил и снова начал свою пустынножизненную жизнь. Но не в одних лишь подвигах и злостраданиях проходила она. Праведник не только возрастал духовно, достигая бесстрастия – этой цели безмолвия, но одновременно с этим Господь награждал Своего раба и неизреченными утешениями и сверх всего прославлял его и необыкновенными знамениями.

Из них здесь остановимся пока, и то кратко, на чудесном подчинении ему зверей и гадов.

Человек, отпав от Владыки Бога, лишился своего царственного владычества над миром; возвращаясь же в свое первозданное состояние, он снова получает власть над тварью. Так было с преподобным Серафимом. Есть сказание, что к келье его, как и к святому Власию, по ночам приходили разные звери и приползали змеи и он выходил к ним и питал от своего скудного стола. Один из более близких ему иноков, посещавших его в пустыни, иеродиакон Александр, однажды даже спросил: как достает у него для животных хлеба? Святой старец ответил, что он всегда находит в лукошке столько, сколько нужно для них.

Но особенно замечательно и трогательно описываются случаи кормления преподобным медведей. Кто из русских не слышал об этом дивном знамении!

Несомненность его засвидетельствована многими очевидцами: о нем рассказывали тот же иеродиакон Александр, инок Петр, впоследствии – дивеевская старица Матрона, начальница Лысковской общины Александра, старица Анна и другие... Вот как рассказывает об этом Саровский инок Петр: «Привязанный любовью к о. Серафиму, пошел я однажды в дальнюю его пустынь для того, чтобы воспользоваться душеспасительными советами старца Божия. Подходя к ней, я увидел, что о. Серафим сидит на колоде и кормит стоящего перед ним медведя сухариками, которые брал из своей кельи. Пораженный этим дивным и странным явлением, я остановился за одним большим деревом и начал молитвенно просить о. Серафима, чтобы он избавил меня от страха. Тотчас же я увидел, что медведь пошел от старца в лес, в противоположную от меня сторону. Тогда я взял смелость подойти к о. Серафиму. Старец встретил меня с радостным духом и сказал, что если я удостоился видеть близ него этого лесного зверя, то умолчал бы об этом до его успения. После этого я всегда удив-

лялся чистоте души и вере праведного старца, которому и бессловесные звери повиновались, тогда как нас один их вид устрашает».

О других, более умильных и поучительных случаях мы будем иметь еще утешение узнать дальше.

Так прошло двенадцать лет пустынножительства. Отец Исаия по слабости сил отказался от настоятельства и ушел на покой, желая готовиться к переходу в иную жизнь. Братия на его место решили избрать о. Серафима.

Это было уже третье предложение ему: кроме Алатыря его хотели назначить строителем еще в краснослободский Спасский монастырь. Но после подвига на камне пустынный твердо и спокойно отклонял теперь подобные предложения.

Тогда выбрали в Саровские настоятели казначея обители, отца Нифонта.

Отец Исаия, глубоко любивший и почитавший о. Серафима, прежде посещал его, наслаждаясь его беседами и пользуясь духовным опытом святого, его же духовного сына по монашеству. Но теперь он ослабел; и тогда братия возили его на тележке в дальнюю пустыню: так учитель уже превратился в ученика. Какой же высоты достиг отшельник! Какую, следовательно, великую пользу принесла ему пустыня!

В следующем, 1807 году, о. Исаия мирно почил. Святой Серафим всю жизнь хранил к нему, как и к другим своим старцам и друзьям, глубокое почитание как к угодникам Божиим. «Когда идешь ко мне, – наставлял он впоследствии начальницу Ардатовской общины, мать Евдокию, и многих других, – зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога, чтобы Он упокоил души рабов Своих: Исаии, Пахомия, Иосифа, Марка и прочих, и потом припади ко гробу, говоря про себя: “Простите, отцы святии, и помолитесь обо мне”. Это – “огненные столпы от земли до небес”». И сам он, приходя в монастырь, сначала шел к любимым отцам своим на могилки...

Так отошли в вечность его близкие. Точно осиротел батюшка. Новый настоятель был для него далеким духовно... Это были разные по духу люди...

И о. Серафим хотел воспользоваться смертью о. Исаии, как он воспользовался кончиною и о. Пахомия: тогда он ушел из монастыря в пустынь; теперь он избирает новый дальнейший подвиг – молчаличество, по примеру святых Арсения Великого и Иоанна Молчальника.

К тем немногим посетителям, какие все же изредка посещали его, он перестал выходить совсем. А если случалось ему с кем-либо встретиться в лесу, то преподобный падал ниц на землю и молча лежал так до той поры, пока тот не уходил.

Реже стал посещать он и монастырь, не всегда ходил туда даже и в праздничные дни.

Пищу ему раз в неделю приносили из обители: войдя в сени, послушник произносил обычную монашескую молитву: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас». Старец внутри говорил «Аминь» и отворял келью. Сложив руки на груди, потупив лицо в землю, не благословляя даже пришедшего, он становился у дверей. Послушник кланялся ему в ноги, ставил пищу на стол в сенях. А преподобный клал туда же или кусок хлеба, или капустки: это означало, что ему нужно дальше. Брат снова кланялся в ноги, просил молитв и уходил, не услышав ни единого слова, кроме «Аминь».

В этом подвиге провел о. Серафим три года. Это молчаличество было для него лишь завершительным концом его уединения. Поэтому все то, что составляло и доселе жизнь души преподобного, теперь лишь усилилось, углубилось. Он весь ушел внутрь себя и ушел от мира.

«Молчание, – говорил он словами отцов, – есть таинство будущего века». Поэтому почтим и мы сей подвиг его молчанием: не будем дерзать входить внутрь скинии души его своим неопытным умом и нечистыми мыслями, там место Пречистому Духу Божию.

Приведем лишь из его наставлений слова святого Варсануфия Великого: «Совершенное безмолвие есть крест, на котором должен человек распять себя со всеми страстями и похотьми. Но подумай: Владыка наш Христос сколько наперед претерпел поношений и оскорблений и потом уже восшел на Крест. Так и нам нельзя прийти в совершенное безмолвие и надеяться святого совершенства, если не постраждем со Христом. Ибо, говорит апостол, *если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться*. (Рим. 8,17). Другого пути нет».

И этот путь взял на себя великий святой нашего времени и прошел его до конца.

Впереди ждет его уже прославление, но крест безмолвия еще будет он нести, только в ином месте и в других, более трудных условиях – затвора в монастыре. Уйдя 16 лет тому назад в пустынь, он Промыслом Божиим снова возвращается в обитель.

Круг пустынноческого подвига завершился.

Глава VI Затвор

С понятием «затвора» нередко соединяется представление, что о. Серафим вошел в высшую степень подвига – уединение. Но можно думать иначе: с видимым затвором в монастыре, собственно, окончилось уединение, или пустынножительство, и началось уже служение преподобного миру. Если же первые годы этого подвига он и проводил еще в безмолвии, то они являются, скорее, подготовкой к новому его послушанию – спасению людей.

В самом деле, уже один выход из пустыни и возвращение в многолюдную обитель, хотя бы и в затвор, есть уже вид общения с миром. А жизнь его здесь есть живая, наглядная проповедь и монахам и богомольцам: своим затворничеством и молчанием о. Серафим учил их спасению, подвигам и боголюбию не меньше слов. Во всяком случае, его пример здесь, на виду у всех, был более действенным и поучительным, чем в далекой пустыне, где он был к тому же отрезан от общения с людьми, за немногими исключениями. А пройдет еще лишь пять лет, и созревший духом Серафим совсем оставит свое уединение и открыто выступит на апостольский подвиг служения людям. И потому нужно думать, что дальней пустынькой закончился второй период его жизни: первый – мирской – был до киевского богомолья; второй – монашеский – от кельи Досифея до выхода из пустынки; и третий – апостольский – от затвора до смерти.

Сам преподобный не дерзнул бы, по смирению своему, оставить пустынь и идти на проповедь, учительство и служение. Не захотел бы он оставить и возлюбленного сладкого безмолвия пустыни. Но Промысл Божий сам руководит святыми своими.

«Знаю человека, – говорил великий пустынный древности Макарий Египетский, вероятно, про себя, – который ничего бы не хотел иного, как лишь сидеть в углу пещеры да наслаждаться блаженным созерцанием. Но Бог Сам на время оставляет его, чтобы хоть таким образом, придя в обычное состояние, он мог послужить еще и братьям своим»¹⁰.

Так случилось и с преподобным Серафимом: созревший плод пустыни снимается с древа уединения и полагается перед глазами людей. Но и здесь дается ему еще некоторое время «долежаться», чтобы, умягчившись совсем и достигши последней сладости, быть всецело угодным Господу и приятным для людей.

Таким образом, затвор был для преподобного, с одной стороны, итогом прошлого подвига, а еще более – приготовлением и вступлением в новый период жизни, во вторую половину монашества. А чтобы не было очень резкого перехода от уединения к служению, для этого Господь и выводит Своего любителя безмолвия из пустыни в монастырь, где он некоторое время, по-видимому, продолжает еще прежнюю жизнь, но в самом деле уже начинает исполнять новое служение.

¹⁰ См. «Преподобного отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послания и слова». Свято-Троице Сергиева Лавра, 1904 г./ Беседа 8, с. 70.

Случилось же это так.

Как мы видели, о. Серафим с ухода своего в молчаливость все реже стал посещать монастырь и даже редко причащался Святых Христовых Таин.

Кто знает жизнь безмолвников, для того это не удивительно – так поступали многие из них, а преподобная Мария все 47 лет пустынножительства ни разу не причащалась, после того как ушла из Иорданской обители святого Иоанна Предтечи, и лишь за час до смерти сподобилась Животворящих Таин от старца Зосимы.

Сподобляет ли их Господь спасительной сладости Своего общения через молитву и созерцания, или они таинственно, неким «невидимым образом сподобляются причастий через Ангела Божия», – как говорил о. Серафим вдове Еропкиной, – сие выше нашего обычного разума и опыта...

А потому не дивно, что братия монастыря стали смущаться... Люди часто недоумевают и даже возмущаются, когда другие поступают иначе, чем они... Стал на их сторону и новый игумен Нифонт... Уже отмечено было, что он был иного духа, чем о. Серафим. Он отличался способностями к управлению (административными) и опытною в казначейских делах, наблюдал за точным исполнением богослужебного устава (между прочим, при нем поминальные записи о живых и усопших прочитывались на проскомидии неизменно еще до чтения часов); он оставил по себе память как способный строитель и украститель монастыря, строго хранил посты, был трудолюбив, нестяжателен, приветлив в обращении с посетителями обители, начитан в книгах, свободен в слове.

Но при всем этом есть данные думать, что он не был единомышлен с о. Серафимом... Да и не он лишь один. Известный писатель-богомолец Муравьев, посетивший Саров вскоре после смерти святого старца, с благоговением расспрашивал о нем у братии. Каково же было его удивление, когда он в ответ услышал легкомысленно-дерзкие и горделивые слова: «У нас все – Серафимы». Чтобы понять это, нужно глубоко уяснить и усвоить учение преподобного, а лучше сказать – Церкви или Самого Духа Святого, о сущности христианства и о смысле не только подвигов, но даже и добродетелей... И читатель дальше сам это увидит в дивной, богооткровенной беседе о. Серафима с Н.А. Мотовиловым...

А может быть, и враг зависти смущал игумена: он пришел на 20 лет позднее преподобного (1787 год) и выбран был в настоятели уже вследствие отказа от этой должности о. Серафима. Бог весть... Но не видим мы радости у о. Нифонта от общения с чудом, не только Саровским, но и всемирным, каковым был старец Серафим... Ни одной ласки, ни одного любовного факта...

Это же не случайно... Ведь предшественник его, о. Исаия, так нежно любил святого и чтит его, что даже на тележке возили его к угоднику... Здесь же совсем иное... А между тем старец при его игуменстве прожил 25 лет (с 1807 по 1832 г.), и притом наиболее славного своего подвига, чудес, прозорливости... Слава о нем шла уже по всей России, а в дому своем, по слову Писания, его далеко не все считали пророком (ср. Мф. 13, 57)¹¹.

Но Господь все направляет во благо, и *милость Его... К боящимся Его* (Пс. 102, 11–13; Лк. 1, 50). Так случилось и здесь.

Уставный и закономерный игумен советуется со старейшими братьями монастыря по поводу особого, но обычного жития пустытника, и они решают: предложить о. Серафиму, буде он здоров и крепок ногами, по-прежнему ходить в обитель по воскресным и праздничным дням и причащаться Святых Таин; если же ноги его уже не служат, то возвратиться ему в монастырь на всегдашнее жительство в своей келье.

¹¹ Отец Нифонт свое мнение доводил впоследствии дальше. Митрополит Филарет Московский писал своему другу и духовнику архимандриту Антонию, бывшему ученику прп. Серафима: «Видно, согрешил Саровский игумен, написав митрополиту Ионе свои несветлые помыслы о преподобном», – а митрополит Филарет был крайне осторожный судия.

Это решение должен был передать ему брат, носивший пищу, при первом же приходе к нему в пустыньку. Отец Серафим молча выслушал и отпустил его, не промолвив ни единого слова... Решение монастырского собора было столь неожиданным, что оно застало молчальника как бы врасплох: он привык к послушанию, но есть ли на это и Божья воля? Должно ли оставлять святое и спасительное безмолвие, если и на него он пошел тоже по благословению святых отцов своих – Иосифа, Пахомия, Исаии? Да и легко ли ему теперь, после 16 лет, оторваться от сладкого безмолвия и возвратиться в обитель? «У кого, – пишет позднейший безмолвник и затворник епископ Феофан, – образовались “влечение внутрь” и восхищение к Богу, и особенно у кого “начали действовать совершенное предание себя Богу и непрестанная молитва”, удержать такого в общежитии и сожительстве с другими невозможно».

«Возлюбившие блаженное безмолвие проходят делание умных сил и подражают их образу жизни. Не насытятся они во веки веков, восхваляя Творца: так и восшедший на небо безмолвия не насытится, воспевая Создателя. Таким образом, все занятие безмолвника – быть с единым Господом, с коим и беседует он лицом к лицу, как любимцы царя говорят ему на ухо».

«При этом такое внутреннее безмолвное делание ограждается и охраняется другим – блюдением безмятежия помыслов»¹².

...И вот теперь отцу Серафиму предлагают оставить это «блаженное безмолвие», насильно хотят возвратить его снова в «сожительство с другими», поместить опять в молву многолюдного монастыря, посещаемого тысячами паломников...

Какой перелом жизни!.. Это теперь не менее важный или даже более важный и решительный момент для духа преподобного, чем оставление родного крова и любимой матери 32 года тому назад: там все светлое, высокое и увлекающее было впереди; теперь же его, кажется, влекут назад, к низшему, пройденному, почти уже забытому за 16 лет пустыньки... Что делать?

И становится понятным поведение святого молчальника: безмолвно он выслушал весть от брата, безмолвно и проводил его, без единого слова...

Значит, этого слова еще не было в душе преподобного.

...Послушник в недоумении ушел обратно. А старец, несомненно, обратился к Богу, «лицом к лицу, как любимцы царя говорят ему на ухо». В этом прошла вся неделя...

Привыкший к безусловному послушанию, о. Серафим не мог сойти с этой спасительной для многих стези. Но еще меньше он мог оставить «блаженное безмолвие». Выход он, подобно свт. Григорию Богослову, нашел в среднем пути: он решил жить в монастыре как бы в пустыни, быть вместе с другими телом, но безмолвствовать духом. Преподобный решил жить в обители – в затворе: так сочетаются и внешнее послушание и внутреннее безмолвие. Лишь увеличится сила подвига, ибо в монастыре хранить безмолвие духа, даже в затворе, будет труднее.

«Есть безмолвие внешнее, – говорит святой Иоанн Лествичник, – когда кто от всех отделившись живет один; и есть безмолвие внутреннее, когда кто в духе един с Богом пребывает не напряженно, а свободно, как свободно грудь дышит и глаз видит... Пусть келья безмолвника заключает в себе тело его, а сие последнее имеет в себе храмину разума».

«Безмолвие, – говорит епископ Феофан Затворник, – не всегда есть уединенный образ жития, но непременно бывает состоянием, в коем внутрь собранный и углубленный дух, огнем

Духа Божественного возводится к серафимской чистоте и пламенению к Богу и в Боге».

¹² «Путь ко спасению», свт. Феофан, Затворник Вышенский.

Отец Серафим достиг уже этого состояния, и потому ему было безопасно возвратиться в обитель и идти дальше по пути живого богообщения... И казалось, будто в существе ничто не менялось. Но Бог усмотрел лучшее...

...Брат рассказал, как принял его батюшка. Отец настоятель, может быть, узрел в этом молчании признак своей воли, велел послушнику в следующее воскресенье повторить ему решение собора. На этот раз о. Серафим благословил брата и вместе с ним пришел в монастырь. Это было 8 мая 1810 года, в день Тайнозрителя и Апостола любви Иоанна Богослова, и в канун великого Чудотворца, Многомилостивого Святителя Николая. Первый сочел в себе и высочайшее созерцание, и нежнейшую любовь к «деткам», «чадцам», людям (ср. 1 Ин. 2,1; 4,4; 5,21).

А святому Николаю, когда он хотел уйти в пустынь, был глас Божий: «Иди в мир, и спасешь душу свою».

Не заходя в келью, о. Серафим направился в больницу, а когда заблаговестили ко всеобщему бдению, он пришел в храм...

Весть об этом быстро распространилась среди братии: удивились, но и обрадовались они, что батюшка решил снова жить среди них.

На другой день преподобный причастился Святых Таин по обычаю, в больничной церкви,

а оттуда направился к отцу игумену Нифонту и получил от него благословение жить в затворе в своей монастырской келье.

Так начался новый, третий, монашеский подвиг его, продолжавшийся тоже почти 16 лет. Из них первые пять лет были затвором в полном смысле, а потом батюшка постепенно будет ослаблять его, чтобы служить людям.

Жизнь его и внутренне и внешне проходила приблизительно так же, как и в пустыньке. Разница лишь заключалась в том, что он уже никого решительно не принимал, ни с кем не говорил. Кроме того, он не мог уже по-прежнему заниматься здесь и физическим трудом, уделял этому лишь малое время. И потому весь и всецело отдался только молитве, богомыслию, чтению Слова Божия и святых отцов, освободившись от всяких иных забот и попечений.

«Малый волос смущает око, и малое попечение губит безмолвие», – говорят святые отцы. И это «беспопечение» и дано было затворнику. В келье его, кроме иконы и обрубка пня, не было ничего. Он для себя не употреблял даже огня. Питием его была одна вода, а в пищу он употреблял только толокно да кислую капусту. Все это доставлял ему живший рядом с ним по келье монах о. Павел.

«Затворник, – пишет автор Дивеевской летописи, – чтобы никто не видал его, накрывал себя большим полотном, и, взявши блюдо, стоя на коленях, как бы принимал пищу из рук Божиих, уносил ее в келью. Там, подкрепивши себя пищею, посуду ставил на прежнее место, опять скрывая лицо себе под полотном. Покров, набрасываемый на лицо¹³, объясняется примерами древнейших пустынножителей, которые кукулем скрывали вид свой, чтобы не видеть суеты (ср. Пс. 118, 37). Случалось так, что старец и вовсе не являлся брату и носивший пищу опять уносил все, что было предложено: старец оставлял себя без вкушения пищи.

Впоследствии же, когда о. Серафим несколько ослабил строгость затвора и даже сокровенно иногда выходил в лес, то он по временам питался даже одною травой, как об этом сам он поведал потом, уже после затвора, дивеевской сестре Прасковье Ивановне, в постриге монахине Серафиме.

¹³ Таково было первоначальное назначение нынешнего клобука, а особенно – наметки на него. На Афоне и доселе наметка набрасывается отдельно на клобук и при желании может закрывать и верхнюю часть лица.

Только что вступив в обитель, она 2 февраля, в день Сретения, получила от батюшки первое послушание: дважды в один день прийти к нему из Дивеева в Саров и обратно. Это составляло около 50 верст. Смутилась сестра, но, убежденная старцем, поступила по повелению его. Встретив ее в первый раз после ранней обедни, батюшка весело отворил ей дверь со словами: «радость моя», потом, посадив ее отдохнуть, подкрепил частицами просфоры и святою водою и отослал обратно с большим мешком толокна и сухарей для обители. К вечеру она пришла во второй раз.

– Гряди, гряди, радость моя! – с восторгом приветствовал ее о. Серафим, – вот я накормлю своею пищею.

И поставил перед нею большое блюдо пареной капусты с соком. Когда она начала есть, то ощутила необыкновенный вкус. В другой раз он велел ей работать в лесу и собирать дрова.

«Часу в третьем, – рассказывается в записи, – он сам захотел поест и говорит: “Подика, матушка, в пустыньку: там у меня на веревочке висит кусочек хлеба, принеси его”. Сестра принесла. Батюшка посолил хлеб, помочил его в холодной воде и начал кушать. А часть он отложил сестре Прасковье, но она не могла даже разжевать его – так он засох и зачерствел. И подумала: какое лишение терпит батюшка! А он прозрел ее мысль и сказал: “Это, матушка, еще хлеб насущный! А когда я был в затворе, то питался зелием: траву снить обливал горячей водою, так и вкушал; это пустынная пища, и вы ее вкушайте”».

Незадолго перед кончиной преподобный подробнее рассказал о своем постничестве: “Я сам себе готовил кушанье из снитки: я рвал ее да в горшочек клал; немного вольешь, бывало, в него водицы и поставишь в печку – славное выходило кушанье”.

Я спросила его: как же зимой он ее кушал и где брал? Он ответил: “Экая ты какая! На зиму я снитку сушил и этим одним питался. А братия удивлялись – чем я питался? А я снитку ел... И о сем я братии не открывал, а тебе сказал”».

Нес преподобный и другие подвиги. Спал он мало. Сколько именно, не знаем, но, конечно, не более того, чтобы лишь не повредить «другу» – плоти в ее служении духу. Если он говорит, что даже в начале своего монашества спал четыре часа ночью (от 10-ти вечера до начала 2-го утра), то теперь, можно думать, он отдавал сну еще меньше, только бы «не повредить голове». Все это, к сожалению, покрыто тайною...

Предавался ли затворник каким-либо иным, чрезвычайным формам лишений и изнурения тела – неизвестно. Есть предание, о коем рассказывается в Житии его дивеевского издания, будто он тайно носил и вериги тяжестью в 20 фунтов на груди и 8 сзади, и железный пояс, что еще более пригибало к земле его сгорбленную фигуру. И будто в морозное время он под железо подкладывал чулок или тряпку.

Но это точно не удостоверено. Таких вериг не осталось нигде. А по словам Саровских старцев, о. Серафим носил в затворе на груди большой пятивершковый крест на веревке. Вероятно, это и дало основание говорить о веригах. Во всяком случае, известно, что другим он впоследствии не советовал чрезмерных внешних подвигов. Вместо этого заповедовал духовную борьбу над собой и над своими душевными страстями.

Однажды – это было много лет позднее – к преподобному пришел какой-то босой странник из Киева, сопровождаемый Саровским послушником. Старец в это время жал голыми руками осоку. Тотчас он велел привести странника. Благословив его и посадив обоих гостей возле себя, прозорливый о. Серафим сразу стал советовать босому посетителю оставить избранный им путь: прекратить богомоление, обуться и снять с себя вериги... А их под одеждою странника совсем не было видно... И нужно возвратиться домой: там ждут и тоскуют по нем жена, мать и дети.

«Мню, – добавил о. Серафим, – что весьма хорошо торговать-то хлебом, у меня же есть знакомый купец в Ельце, тебе стоит только прийти к нему поклониться и сказать, что тебя прислал к нему убогий Серафим, он тебя и примет в приказчики».

Наставив еще странника, преподобный отпустил его с любовью.

На обратной дороге в монастырь богомолец открыл послушнику, что все так и было, как сказал прозорливый старец: прежде он занимался хлебною торговлею, потом из любви к Богу, но без благословения решил бросить семью, выхлопотал годовой паспорт, надел вериги, скинул обувь и босиком начал ходить по монастырям, думая этим угодить Богу. Теперь он без сомнения узрел неправоту свою и послушается заповедей святого старца.

Послушник Иоанн Тихонович рассказывал про себя, что долгое время мечтал о ношении вериг для умерщвления тела и, наконец, достал их, но пошел сначала к о. Серафиму. Великий старец, увидев его, прозрел тщеславное намерение неопытного книжника, начитавшегося житий, и, улыбнувшись, сказал, прежде чем тот раскрыл уста: «Вот что я скажу тебе: приходят ко мне дивеевские младенцы и просят моего совета и благословения: один – носить вериги, а другие – власяницы, то как ты думаешь, по дороге ли их дорога-то, скажи мне?»

Ничего не понимая, послушник ответил: «Я, батюшка, не знаю».

Отец Серафим повторил вопрос. Тогда тот уже догадался, что прозорливый старец о нем-то и говорит, и попросил у него благословения на вериги.

– Как же ты не понимаешь? Ведь я тебе об этом-то и говорю, – сказал о. Серафим и далее объясняет неразумие и бесполезность этого подвига для таких неустроенных людей: – Многие из святых отцов носили вериги и власяницу, но они были мужи мудрые и совершенные; и все это делали из любви Божией, для совершенного умерщвления плоти и страстей и покорения их духу. Но младенцы, у которых царствуют в теле страсти, противящиеся воле и закону Божию, не могут этого делать. Что в том, что наденем и вериги, и власяницу, а будем спать, и пить, и есть столько, сколько нам хочется... Мы не можем и самомалейшего оскорбления от брата перенести великодушно. От начальнического же слова и выговора впадаем в совершенное уныние и отчаяние, так что и в другой монастырь выходим мыслию и с завистию, указывая на других своих собратий, которые в милости и доверенности у начальника, принимаем все его распоряжения за обиду, за невнимание и недоброжелательство к себе. Из этого рассуди сам: как мало или вовсе нет в нас никакого фундамента к монашеской жизни, и это все оттого, что мы мало очень рассуждаем и внимаем ей.

Обличенный послушник вериг не стал носить, но из монастыря Саровского все же ушел после. Фундамента не оказалось, то есть послушания.

Впрочем, известен случай, когда о. Серафим благословил пустыннолицу Анастасию Логачеву, в иночестве Афанасию, носить и вериги для усмирения плотских похотей, когда ей было всего лишь около 23 лет. Она была потом основательницей женской Курихинской общины Нижегородской губернии.

А обыкновенно о. Серафим советовал вместо подвигов понуждение и упражнение в добрых делах. Вот что он сказал одному мирянину, который тайно думал о Киеве: «Укоряют – не укоряй, гонят – терпи, хулят – хвали, осуждай сам себя, так Бог не осудит, покоряй волю свою воле Божией, никогда не лести, люби ближнего твоего: ближний твой – плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу и плоть погубишь, а если по-Божьему – обеих спасешь. Это подвиги больше, чем в Киев идти или и далее».

Занятие Словом Божиим во время затвора, естественно, было увеличено, так как труд нести было невозможно и, следовательно, оставалось свободное от молитв время.

«Вот я, убогий Серафим, – поведал он некоторым после, – прохожу Евангелие ежедневно: в понедельник читаю от Матфея от начала до конца, во вторник – от Марка, в среду – от Луки, в четверг – от Иоанна, в последние же дни разделяю Деяния и Послания Апостольские, и ни одного дня не пропускаю, чтоб не прочитать Евангелия и Апостола дневного и Святому. Через это не только душа моя, но и самое тело услаждается и оживотворяется оттого, что я беседую с Господом, содержи в памяти моей жизнь и страдание Его и день и

ночь славословлю, хвалю и благодарю Искупителя моего за все Его милости, изливаемые к роду человеческому и ко мне, недостойному».

Этого правила он держался и впоследствии.

Читая Священное Писание, о. Серафим иногда вслух толковал Евангелие и Послания. Через дверь можно было даже слышать это, и тогда братия и богомольцы подходили и услаждались его объяснениями.

А иногда неожиданно наступало молчание, не слышно было даже переворачивания листов. Святой затворник погружался в созерцание написанного.

В один из таких моментов он сподобился чрезвычайного восхищения, совершенно подобного тому, о котором пишет и святой апостол Павел (ср. 2 Кор. 12, 1–5). Об этом событии о. Серафим поведал нескольким людям. Вот как записал один из них, послушник Иоанн Тихонович.

Сначала преподобный долго говорил о святых пророках, апостолах, мучениках и преподобных, об их вере, подвигах, крестоношении, чудесах, и как они исполнением заповедей обрели благодать Святого Духа.

«Исполнение же заповедей Христовых, – говорил он, – есть бремя легкое, как сказал Сам Спаситель наш, только нужно всегда иметь их в памяти, а для этого нужно иметь в уме и на устах молитву Иисусову, а пред очами представлять жизнь и страдание Господа нашего Иисуса Христа, который из любви к роду человеческому пострадал до смерти крестной. В то же время нужно очищать совесть исповеданием грехов своих и приобщением Пречистых Таин Тела и Крови Христовой».

После этого он обратился к слушателю и, желая приготовить дух его к восприятию события, сказал ему: «Радость моя! Молю тебя: стяжи мирный дух!» Затем советовал переносить скорби ради Царствия Небесного. «Без скорбей нет спасения, – говорил он не раз. – Зато претерпевших ожидает Царство Небесное. А пред ним вся слава мира – ничто». После этого преподобный и сообщил брату Иоанну¹⁴ о чудесном видении.

«Вот я тебе скажу об убогом Серафиме! Некогда, – можно думать, что это именно было в период затвора, – читая Евангелие от Иоанна слова Спасителя: *в доме Отца Моего обителей много* (Ин. 14, 2), я, убогий, остановился на них мыслию и возжелал видеть сии небесные жилища. Пять дней и ночей провел я в бдении и молитве, прося у Господа благодати того видения. И Господь действительно, по великой Своей милости, не лишил меня утешения по вере моей и показал мне сии вечные кровы, в которых я, бедный странник земной, минутно туда восхищенный (в теле или без тела, не знаю), видел неисповедимую красоту небесную и живущих там: Великого Предтечу и Крестителя

Господня Иоанна, апостолов, святителей, мучеников и преподобных отцов наших: Антония Великого, Павла Фивейского, Савву Освященного, Онуфрия Великого, Марка Орачского и всех святых, сияющих в неизреченной славе и радости; *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9)».

С этими словами, пишет послушник Иоанн, о. Серафим замолчал.

В это время он склонился несколько вперед, голова его с закрытыми глазами поникла долу, и простертою дланию правой руки он одинаково (размеренно) тихо водил против сердца. Лицо его постепенно изменялось и излучало чудный свет и, наконец, до того просветилось, что невозможно было смотреть на него, на устах же и во всем выражении его была такая радость и восторг небесный, что поистине можно было назвать его в это время земным ангелом и небесным человеком. Во время таинственного своего молчания он как

¹⁴ Кончил жизнь в схиме с именем Серафима. О нем остались разноречивые сведения, особенно в связи с вмешательством его в жизнь Дивеевской обители. Но этому событию можно верить. Оно известно было и другим.

будто что-то созерцал с умилением и слушал что-то с изумлением. Но чем именно восхищалась и наслаждалась душа праведника, знает один Бог.

После довольно продолжительного молчания снова заговорил о. Серафим. Вздохнув из глубины души, с чувством неизъяснимой радости он сказал мне: «Ах, если бы ты знал, какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келья наша была полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы не лишиться той небесной радости, какую уготовал Бог любящим его. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, там сладость и радость неизглаголанная, там праведники просветятся, как солнце... Но если той небесной славы и радости не мог изъяснить апостол Павел, то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горнего селения, в котором водворяются праведных души?»

«Ты же, радость моя, – продолжал старец, – ради такого будущего блаженства, с братьями, стяжите целомудрие, храните девство, ибо девственник, хранящий свое девство ради любви Христовой, имеет часть со Ангелы, и душа его есть невеста Христова, Христос же ей – Жених, вводящий ее в чертог Свой небесный. Но душа, в грехах пребывающая, есть как бы вдова нерадивая, *а сластолюбивая заживо умерла* (1 Тим. 5, 6)».

Рассказывал он о том же и А.П. Еропкиной, вспоминая ей и святых мучениц, красоту святой Февронии и многих других, сияющих в неизреченной славе. «Ах, радость моя! – восклицал тогда он. – Там такое блаженство, что и описать нельзя».

«Лицо его, – записала потом она, – было необыкновенно... сквозь кожу у него проникал благодатный свет, в глазах же выражалось и спокойствие, и какой-то особенный душевный восторг. Надо полагать, что он, – даже во время этих описаний своих созерцаний, – находился вне видимой природы, в небесных обителях».

Такое сверхъестественное и дивное восхищение было лишь вершиною озарений о. Серафима. В меньшей же степени это возношение духа к Богу он переживал не только многократно, а почти непрерывно уже.

Величайшим утешением для него было Святое Причащение. Во все праздничные воскресные дни Святые Тайны приносились ему после ранней обедни очередным священнослужителем из той же больничной церкви в келью, чтобы не нарушать его затвора. Тогда преподобный сверх обычного своего белого балахона надевал монастырскую мантию, холщовую епитрахиль и поручи. При появлении Святых Даров падал ниц и с трепетною радостью причащался.

В остальные дни ему приносили часть антидора, собственно для него нарочно отделяемую.

Отдавал некоторое время затворник и трудам. В келье их заменяли ему земные поклоны: сколько творил их он, один Бог знает. А иногда сокровенно ночью он разрешал себе исходить из кельи, чтобы на свежем воздухе заняться каким-либо трудом.

Однажды брат, несший послушание монастырского будильщика, встав ранее утрени, ходил близ соборного храма, где почивают приснопамятные отцы и пустыnnики Саровские. И оттуда он в ночной тьме увидел перед кельей о. Серафима какого-то человека, который двигался быстро взад и вперед. Осенив себя крестным знаменем, брат направился туда и увидел самого затворника. Чуть слышно произнося молитву Иисусову, он тихо, но быстро переносил поленницу дров с одного места на другое, ближе к келье. Обрадованный видением святого старца, послушник бросился к ногам его и, целуя их, просил благословения.

– Оградись молчанием и внимай себе! – сказал ему батюшка. И благословив счастливого наблюдателя, скрылся в свою келью.

Кроме этого, о. Серафим своими руками изготовил себе гроб с крышкой, выдолбив их из цельного дуба. И он всегда стоял у него в сенях, чтоб напоминать ему и другим о смертном часе. Около него особенно часто будет молиться преподобный перед кончиною своею. И после затвора не раз просил иноков: «Когда я умру, умоляю вас, братия, положите меня в моем гробе!»

Так потом и было сделано.

В таком строгом затворе святой Серафим провел пять лет, никого не принимая, ни с кем не беседуя и даже никому не отворяя своей кельи, кроме как для Хлеба Небесного и не всегда для пищи земной.

К концу этого периода, к монастырскому престольному празднику Успения Богородицы, приехал епископ Иона, впоследствии экзарх Грузии¹⁵. Желая видеть затворника, о коем молва давно уже доходила и до далеких покоев тамбовских архиереев, он в сопровождении игумена о. Нифонта и других лиц направился к келье о. Серафима. Постучались они, но ответа оттуда, по обычаю, не было. Сказано было через дверь, что старца хочет видеть Владыка, но о. Серафим, как и всегда, молчал.

Тогда о. Нифонт предложил снять дверь с крюков и таким образом против воли узреть затворника. Но епископ рассудил за лучшее отказаться от своего желания, добавив со страхом: «Как бы не погрешить нам!»

И, оставив старца в покое, уехал из обители.

Затворник, опасаясь человекоугодничества, не изменил своего обета даже для епископа. А может быть, он духом прозревал в нем и нечто строптивое против себя, и маловерие в благодать Божию?..

Но дивны дела Божии: всего через несколько дней эти же двери раскроются, и не для монахов впервые, а для мирян...

Затворник выйдет на высший подвиг, выше которого уже нет на земле, — подвиг любви (ср. 1 Кор. 13).

¹⁵ Владыка Иона, по-видимому, тоже не вполне доверчиво относился к подвигам о. Серафима: известно, например, что он, будучи членом Синода, противился изданию первого Жития преподобного Серафима, несмотря на то, что об этом ходатайствовал сам митрополит Московский Филарет (см. письма его к архимандриту Антонию, ч. 1, с. 383).

Глава VII

На высоте совершенства

Плодом столь долгих и чрезвычайных подвигов преподобного было бесстрашие, а оно, в свою очередь, является путем к вселению Духа Святого в сердце человека.

«Кто сподобился быть в сем устроении, т. е. бесстрастии, – говорит епископ Феофан, Затворник Вышенский, – тот еще здесь, облеченный брэнною плотию, бывает храмом живого Бога, который руководит и наставляет его во всех словах, делах и помыслах, и он, по причине внутреннего просвещения, познает волю Господню, как бы слыша некоторый глас».

«И вот, наконец, Богообщение и Боговселение – последняя цель искания духа человеческого, когда он бывает в Боге и Бог в нем. Исполняется, наконец, благоволение Господа и молитва Его, чтобы, как Он в Отце и Отец в Нем, так и всякий верующий едино был с Ним (ср. Ин. 17, 21)... Таковые суть – *храм Божий* (1 Кор. 3, 16), и Дух Божий живет в них (ср. Рим. 8,9)».

«Достигшие сего суть таинники Божии, и состояние их есть то же, что состояние апостолов».

«Богоявление же является источником множества других благодатных даров, и первое всего – пламенной любви, по коей они с дерзновением удостоверяют: кто нас разлучит от Бога? (Рим. 8, 35)». «А любовь есть подательница пророчества, причина чудотворений, бездна просвещения, источник огня Божественного». «Поелику такое состояние есть плод безмолвия, когда проходят его с разумом, то не все безмолвники оставляются в безмолвии навсегда. Достигающие через безмолвие бесстрастия и через то удостоивающиеся преискренного Богообщения и Боговселения, изводятся оттуда на служение ищущим спасения и служения им, просвещая, руководя, чудодействуя. И Антонию Великому, как Иоанну в пустыне, глас был в его безмолвии, изведший его на труды руководства других по пути спасения, и всем известны плоды трудов его. То же было и со многими другими». Это же самое теперь увидим мы и на богоносном Серафиме. Читая эти слова Затворника, подумаешь, будто они были списаны с живого лика преподобного, а между тем они взяты с творений великих подвижников духа: святого Иоанна Лествичника (гл. 29 и 30), святого Исаака Сирина и Добротолюбия (III, V). Это дивное единство есть не только очевидное свидетельство об едином одушевляющем святых Пресвятом Духе Божиим, но, безусловно, несомненное удостоверение правильности духовного пути всемирного светильника о. Серафима.

«Выше сего состояния апостольского мы не знаем на земле. Здесь и конец обозрению порядка богоугодной жизни».

К этому концу, заключительному совершенству, и вызван был теперь «батюшка»... И понятно, что с этого периода к нему особенно стало применимо это теплое и нежное слово отца родного, близкого «батюшки»... Началось отеческое духовное руководство. Первый раз

двери монастырского затвора отворились почти тотчас после отказа преподобного принять епископа Иону.

Может быть, не успел еще Владыка возвратиться в свой епархиальный город Тамбов, как оттуда же выехал в Саров правитель губернии Александр Михайлович Безобразов со своей женой.

Это было в сентябре 1813 года. Прибыв в обитель и помолившись в храме, муж и жена направились к келье преподобного. У сопровождавших губернатора и губернаторшу монахов не было надежды, чтобы миряне увидели старца: ведь он только недавно ответил молчаливым отказом даже монаху, архиерею своему. Но неожиданно случилось иное. Когда посетители подошли к келье о. Серафима, он сам отворил им дверь и молча благословил их.

Строгий затвор кончился. Почему поступил так преподобный, остается для нас тайною. Несомненно лишь, что батюшка действовал так по

Божьей воле, которую он умел узнавать внутренним взором.

«Достигшие совершенства, – говорит епископ Феофан Затворник, – слышат Божий глас явно в душе своей. На них начинается сбываться Слово Господа: *когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину* (Ин. 16,13). И апостол Иоанн так же пишет: *«Помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и неложно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте* (1 Ин. 2, 27)».

Впрочем, в Житии преподобного (дивеевского издания) говорится, что святому Серафиму и на этот раз явилась Божия Матерь в сопровождении Онуфрия Великого и Петра Афонского и повелела не скрывать себя больше, а служить людям. С этого времени двери затворника сделались открытыми для всех. Началось старчество.

К сожалению, большинство записанных показаний относятся к позднему времени, к 1825 году, т. е. когда он оставил уже затвор совсем. Но это не имеет существенного значения, и мы соберем более ценные его наставления, хотя данные им в разное время и в разных местах.

Сначала же опишем со слов очевидцев обстановку его кельи и способ приема посетителей. Вот что сообщает генерал Отрощенко, посетивший преподобного по пути в Москву:

«...По благоговейному расположению своего духа, отчасти и по любопытству, а более всего по настоятельной просьбе жены моей, Натальи Михайловны, я решился заехать в Саров и поклониться преподобному затворнику». После ранней обедни он с женою в сопровождении монаха направился к келье о. Серафима.

«Ключ от общей двери (коридора) был у монаха, ведшего нас, ибо затворник никуда из своей комнаты, и даже в церковь, не выходил. Отворив эту дверь, вожатый наш, подойдя к двери затворника, сотворил приветственную молитву, потом еще повторил ее два раза с прибавлением, что проезжающие хотят видеть о. Серафима, но ответа также не получил и сказал: “Не угодно ли вам самим отозваться?” Я отвечал, что не знаю, как должно отозваться. “Скажите просто: Христос воскрес, отец Серафим”. (Тогда была неделя святого Воскресения.) Я подошел к двери и сказал то приветствие, но также ответа не получил. Я обратился к жене, которая держала в руках дары (свечи, масло и красное вино) и от благоговейного чувства дрожала, сильно кашляя (она была в первой половине беременности). Она сказала громко: “Ну, друг мой, знать, мы много напроказничали, что не хочет нас принять святой муж. Оставим же наш дар и с сожалением отправимся в наш путь”. Мы уже хотели было идти, как вдруг отворилась дверь кельи затворника, и он, стоя в белой власянице, подал нам пальцем знак идти к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.